

ЮЖНОЕ

**Виталий
ЧЕХОВСКИЙ –
конструктор песен и ракет**

Государственное предприятие
«Конструкторское бюро «Южное» имени М.К. Янгеля»

Виталий Чеховский – конструктор песен и ракет

*Сборник воспоминаний
и стихотворений*

2015

УДК 629.7(092)+82-1
В54

В54 Виталий Чеховский – конструктор песен и ракет. Сборник воспоминаний и стихотворений / Под общей редакцией Ю.И. Мошненко. - К.: «Спейс-Информ», 2015. - 144 с.

ISBN 978-966-97460-3-0

Составители: Юрий МОШНЕНКО, Игорь ХАНИН
Редакторы: Анатолий КАРМАНОВ, Николай МИТРАХОВ
Литературный редактор: Юрий ЛИГУН
Корректор: Лидия ПЕТРУСЕНКО
Вёрстка: Вадим ЧЕРНЯВСКИЙ
Макетирование: Александр МОХНАТКО

В сборнике представлены воспоминания о заслуженном ветеране КБ «Южное» Виталии Прокофьевиче Чеховском, его стихи и песни.

ISBN 978-966-97460-3-0

© ГП «КБ «Южное», 2015

***Виталий Прокофьевич Чеховский
(27.11.1935 – 12.06.2012)***

От составителей

Юрий Мошненко

Игорь Ханин

Двадцать лет назад был издан сборник стихотворений Виталия Чеховского «Снова под крылом аэропорт. Заметки в виде стихов и песен с ракетных полигонов».

Предваряя его, мы тогда написали:

«Если правомерен термин «городской романс», то Виталия Чеховского можно смело назвать родоначальником «полигонного романса». В гостиницах Байконура и Плесеца впервые зазвучали песни Виталия о ракетах, испытателях, о жизни. А теперь эти песни поют во многих городах Союза, куда развезли их испытатели ракет...»

И вот перед вами новая книга. Как и первая, она достаточно необычна. Хотя, что может быть необычного в подборке стихотворных текстов, написанных не профессиональным литератором, а любителем? Оказывается, может! Потому что стихи и песни инженера-ракетчика и ведущего конструктора КБЮ Виталия Чеховского – это свидетельства очевидца и прямого участника грандиозной, а порой и трагической эпохи создания ракетно-космической техники. А ещё это поэтический дневник, повествующий о людях, о любви.

О шестидесятилетней истории конструкторского бюро «Южное» сегодня написано немало. Но летопись Чеховского не теряется в многообразии книг, брошюр и статей, поскольку поэту открываются иные ракурсы и перспективы. А теснота поэтического ряда позволяет ему охватывать глубокие пласты времени и пространства, что даёт возможность даже далёкому от ракетной тематики читателю ощутить вкус космической эпохи...

**Юрий МОШНЕНКО,
Игорь ХАНИН**

Прекрасный повод вспомнить молодость

Почему бардовские песни имеют так много почитателей? Почему они так быстро запоминаются и долго хранятся в памяти? Ответ прост: в них душа автора, его искренность, его видение мира и талант, который Бог дает избранным.

Стихи и песни Виталия Чеховского, моего близкого друга, ведущего конструктора ракетного КБ, потому любимы и популярны, что в них его душа обращается к каждому слушателю.

Мы познакомились в начале шестидесятых. Его харизма притягивала людей – талантливый инженер, поэт, душа любой компании. Он улыбался, когда его называли бардом, но прежде всего считал себя ракетчиком. Очевидно, и стихи были для него достаточно важным делом жизни – каждую строку он шлифовал до блеска. И делал это с особой тщательностью, как и все, чем он занимался.

Хорошо помню, как на Байконуре по выходным мы собирались на основной базе днепровских ракетостроителей – площадке 43 и устраивали импровизированные концерты. И ни один из них не обходился без песни Виталия «Снова под крылом аэропорт». Она стала настоящим гимном командированных, и не только ракетчиков. А как сотрудники КБ Янгеля гордились, когда Чеховский стал победителем Всесоюзного конкурса туристской песни!

Надеюсь, что выход этого сборника станет прекрасным поводом для ветеранов вспомнить свою молодость, а молодым позволит зарядиться лиризмом и энергией Виталия Чеховского.

Леонид КУЧМА

Неугомонное племя

Я активно поддержал идею издать новый сборник стихов и песен одной из самых ярких Личностей КБЮ – Виталия Чеховского. Однако не решусь оценивать художественные достоинства книги, предоставив это читателям, а скажу о самом Виталии Прокофьевиче.

На мой взгляд, он был специалистом, наделённым весьма редко встречающимся талантом. И это я говорю не для красного словца, а утверждаю совершенно взвешенно и обдуманно. Мне часто приходилось и приходится встречаться с прекрасными знатоками своего дела – учёными, проектантами, конструкторами, испытателями, но Чеховский был замечен и на этом ярком фоне. И прежде всего – своей добротой и умением понять других. Конечно, без этих качеств тоже можно строить ракеты, но при этом можно кого-то обидеть и даже сломать чью-то судьбу.

Чеховский же, будучи ведущим конструктором, то есть решая труднейшие и требующие огромного нервного напряжения технические и организационные вопросы, всегда видел за ними человека. А если сказать более высоким слогом, он любил своих ближних и дальних, и они отвечали ему тем же. Поэтому у Чеховского всё получалось. Как сейчас говорят, он был востребован и на далёких полигонах, и в министерских кабинетах, и в заводских цехах, и в стенах родного КБ. Поэтому у него осталось так много друзей, которые, листая эти страницы, вспомнят былые годы и с новыми силами устремятся вперёд. А кто-то, быть может, возьмёт в руки гитару и споёт своим детям и внукам нестареющие песни «неугомонного племени» КБЮ...

Александр ДЕГТЯРЕВ

Часть 1.

О поэте и ракетчике

Беседа с Виталием Чеховским

Человек, делающий дело со знанием дела, вызывает уважение. А человек, делающий дело со знанием дела и умеющий об этом деле рассказать, вызывает восхищение.

Малоизвестная китайская мудрость

Таких людей мало, но они есть. Я это знаю точно, потому что лет тридцать назад судьба свела меня с Виталием Прокофьевичем Чеховским – инженером-ракетчиком, каковых, впрочем, в конструкторском бюро «Южное» немало. Однако он выделялся на любом фоне, потому что был поэтом, и ему было дано запечатлеть первые шаги человечества в те края, где никто не бывал. И всё же как инженер, имеющий дело с реальностью, он писал не о запретных высях и манящих звёздах, а рассказывал о рабочих буднях полигонов и пел о простых командировочных радостях, к которым относились вкусная плацкартная курица и не менее плацкартное общежитие, и ветер в лицо, и зной в ребро. Для кого-то это – смертная тоска, а для него – живая жизнь, которая, если и даст умереть, то уж точно не от тоски.

Неслучайно «Песню командированных» Виталия Чеховского подхватили все, кто работал и работает на космос. Поэтому и через десятилетия она продолжает звучать...

*Снова под крылом аэропорт
Промелькнул и скрылся в синей дали.
Нас не провожал гитар аккорд,
Жены нам платками не махали...*

* * *

...По старой дружбе мне удалось уговорить Виталия Прокофьевича (что было весьма непросто!) немного рассказать о себе и о временах, когда рождались такие песни...

– Начнем с легкого вопроса: как Вы попали в КБЮ?

– Случайно удалось вытянуть счастливый билет.

А было так. Весна 1958 года. Идет распределение пятикурсников. И вот приезжает невзрачный мужчина, ходит по деканатам, отбирает кандидатов, задает невзрачные вопросы: кто таков, откуда родом, чем увлекаешься... Об учебе не спрашивает (наверно, все узнал заранее). А вскоре мне говорят, что 1 августа надо прибыть в Днепропетровск на предприятие с загадочным названием «Завод №586». Но до первого августа далеко, впереди лето. Поехал на Кавказ в альплагерь «Накра». Потом вдоволь наплавался в теплом Черном море и третьего сентября, с трудом отыскав завод №586, прибыл в отдел кадров. Встреча с главным кадровиком была отнюдь не радужной. Он пригрозил карами за опоздание и накричал на меня за то, что не выписался из Харькова. Но в итоге дал бланк анкеты, направление в гостиницу «Южная» и... 72 часа на ликвидацию харьковской прописки.

– Ваши первые днепрпетровские впечатления?

– Они были сильными... Вместо гостиничного номера мне досталась раскладушка в вестибюле четвертого этажа. Но не успел я затосковать, как познакомился со своим сокурсником – компанейским Леней Беляевым, который уже успел освоиться в новых условиях и увлеченно рассказывал мне о заводе, о ракетах, о Янгеле и о начальнике родного отдела №12 с маршальской фамилией Жуков. Леня подогревал мой интерес ровно месяц, потому что все это время я ждал допуска к секретным работам. А затем в отделе кадров, руководствуясь наставлениями Беляева, я перевелся в ОКБ-586, ныне КБ «Южное», взамен пообещав, что буду играть за баскетбольную сборную завода...

Но самым ярким впечатлением было незабываемое собеседование у Михаила Кузьмича, во время которого я сбивчиво, но, видимо, упрямо обосновал свое желание работать у Жукова. В результате я попал в отдел №12, в котором начался мой трудовой марафон длиной в сорок два с лишним... но не километра, а года.

– Говорят, что с гениями работать трудно. Согласны ли Вы с этим утверждением?

– Как работать с гениями – не знаю, не довелось, поскольку гении всегда одиночки. А вот с выдающимися организаторами и вдохновителями, за версту чувствующими новое, умеющими сплотить коллектив, зажечь идеей и воплотить задуманное, работать приходилось. И прежде всего такой неординарной личностью был для меня Михаил Кузьмич.

Первая встреча с ним состоялась 4 октября 1958 года на полу-часовом собеседовании. Последняя – 27 октября 1971 года, когда я вместе с товарищами нес гроб с его телом на Новодевичье кладбище.

Мы общались зримо – в самолетах, на полигоне, на Советах Главных конструкторов, в его коттедже, на рыбалке. И незримо – когда слова «я от Янгеля» становились моим пропуском в министерские кабинеты при согласовании документов.

После его ухода в коридорах КБЮ еще долго витал некий ореол, и в сложных ситуациях мы часто задавались вопросом: «А как бы в этом случае поступил Янгель?»...

– Какое качество первого Главного сделало его легендой еще при жизни?

– Янгель видел развитие любой идеи и конечную цель еще не начавшейся работы. Яркий пример тому – разговор о минометном старте с инженером Макушиным из НИИ-88. Идея настолько захватила Главного конструктора, что, несмотря на прямое сопротивление, он довел дело до «металла». И как победный салют в честь прозорливости Михаила Кузьмича 22 октября 1971 года был проведен выброс двухсоттонного макета ракеты из контейнера с помощью пороховых аккумуляторов давления. Увы, это произошло за три дня до его смерти...

Аргументированность предлагаемых Янгелем решений сметала все препятствия, и жизнь всегда подтверждала его правоту. И еще одна черта характера Михаила Кузьмича сделала его несомненным лидером. Будучи мягким и спокойным человеком, он превращался в жесткого и бескомпромиссного бойца, когда сталкивался с несправедливостью, безграмотностью и ложью...

– Создание ракеты – труд, безусловно, коллективный. Но мы говорим о Янгеле как о яркой личности. Нет ли здесь противоречия?

– Думаю, что нет. Ведь симфонию тоже исполняет коллектив виртуозов, но без хорошего дирижера дело не сладится. Так и в нашем случае. Делом своей жизни Михаил Кузьмич считал боевое ракетостроение, и он отдавался ему всецело. Его ракеты не были мышками, сидящими в норках, они активно участвовали в решении политических проблем на мировом уровне. Вспомним: Р-12 сыграла решающую роль в преодолении Карибского кризиса, Р-36, показанная в полете Президенту Франции де Голлю, заставила Францию выйти из НАТО, а орбитальная Р-36 оставила не у дел американский проект «Сейфгард».

Вместе с тем из поля зрения Главного конструктора не выпадало и мирное космическое направление. Особенно после того, как в ЦК ему поручили подстраховать Королева. И уже 16 марта 1962 года ТАСС сообщил всему миру о запуске в СССР спутника новой серии «Космос».

А вскоре в специальном «спутниковом» КБ-3 были созданы первые в мире унифицированные космические платформы и аппараты, в том числе по новой международной программе «Интеркосмос». Поэтому можно утверждать, что благодаря Янгелю наше конструкторское бюро сегодня входит в число ведущих в мире разработчиков космических аппаратов.

А еще при Янгеле был создан ряд ракет-носителей, среди которых рекорсмены по надежности – «Циклон-2» и «Циклон-3».

– Слышал ли Михаил Кузьмич ваши песни, или он был из когорты «физиков», скептически относящихся к «лирикам»?

– Скорее всего, слышал. Ведь он останавливался в «Люксе» – гостинице на 43-й площадке. Его номер был на втором этаже, где часто звучали и наши песни. А «Снова под крылом аэропорт» любил напевать его сын Саша – известный в ту пору капитан команды КВН. Да и жена Янгеля – Ирина Викторовна Стражева – в

своей книге «Тюльпаны с космодрома» вспоминает, что Михаил Кузьмич любил не только слушать, но и петь песни родной Сибири. К «лирике» отнес бы и его эмоциональную речь 2 февраля 61-го года после удачного пуска ракеты Р-16. В тот вечер стартовую площадку переполняло море радости.

Собственно, удачных стартов у первой в мире межконтинентальной ракеты на высококипящих компонентах топлива в дальнейшем было много. Но этот запомнился особенно, поскольку за три месяца до него взрыв на пусковом столе унес десятки жизней...

– Эта трагедия еще раз напомнила, что ракетная техника шуток не любит, но ведь случались в полигонной жизни и веселые моменты?

– Действительно, ракетная техника не любит, когда перепутывают контакты в рулевых машинках или в бортовую ЭВМ вместо «единицы» вводят «ноль». Кончается это плохо. В первом случае ракета 15А14 под порядковым номером «22» прекратила полет именно на 22-й секунде. А во втором – ракета 15А18 №1 вообще не захотела улетать: выброшенная из контейнера на высоту 20 метров, она вернулась (хвостом вниз). Результат – грандиозный фейерверк и гибель пусковой шахты. Но это, конечно же, были не шутки. Это были слезы тех, кто поставил свои подписи в формуляре, подтверждающем полную готовность к запуску.

А что касается веселых моментов, то они случались очень часто. Удачно проводив ракету в дальнюю дорогу, мы прыгали от радости и хлопали друг друга по спинам. В том числе и Михаил Кузьмич. Во всяком случае я собственными глазами видел, как Главный обнимал офицеров боевого расчета.

– Ваши песни переведены на французский язык. Как это произошло?

– Легко! Я дал им слова – и они их перевели. Им – это писателю Арманду Коллинзу и сопровождающей его переводчице.

А случилось это в гостевом коттедже КБЮ, где раньше жил Михаил Кузьмич. Французский писатель попал туда с разрешения компетентных органов. Он собирал материалы для книги и до Днепропетровска по нескольку раз бывал в Москве и на Байконуре. На встрече нашу сторону представляли В.А. Пашенко, В.И. Баранов, Ю.И. Мошненко и ваш покорный слуга. Кого забыл – пусть простят за давностью лет.

Сели за стол. Коллинз задавал вопросы, мы отвечали. Затем кто-то вспомнил о моих песнях. Я напел «Кровавым светом взорвалась степь», а потом мы вместе затянули «Снова под крылом аэропорт». Переводчица на лету переводила.

В конце встречи Арманд Коллинз попросил подарить ему тексты. А в 1994 году в Москве состоялась презентация его книги, которая рассказала не только о космонавтах, но и о Королеве, Янгеле и других выдающихся Главных конструкторах. Со Станиславом Николаевичем Конюховым мы получили по экземпляру этого великолепного издания. А я в придачу – тексты своих песен на французском.

– Я слышал, что Ваши песни не только любит, но и поет под гитару второй Президент Украины Леонид Кучма. Вы с ним хорошо знакомы?

– Я тоже слышал, что некоторые мои песни ему действительно нравятся. Но поет он только одну «Снова под крылом аэропорт»...

А знакомы мы еще по комсомолу, точнее, с 1962 года. Храню подписанный Кучмой комсомольский билет – «За активную работу». Позже мы трудились в одной группе ведущих конструкторов под руководством Михаила Ивановича Галася. Затем тесно сотрудничали в 70-х на Байконуре. Кучма в качестве помощника Главного конструктора проводил испытания «Циклонов», а я участвовал в испытаниях ракеты 15А14. Это было на разных площадках огромного космодрома, но по выходным мы встречались на 43-й. Там и песни были тоже.

Почти полувековое общение с Леонидом Даниловичем на работе и на отдыхе позволяет мне думать, что мы знакомы хорошо.

– Следите ли Вы за сегодняшним развитием космической техники?

– В широком смысле не слежу. Во-первых, отсутствует информация, а во-вторых, всему свое время.... Но тем, что происходит в КБ «Южное», конечно, интересуюсь, а особенно проектом «Циклон-4», в котором мне довелось участвовать в качестве ведущего конструктора.

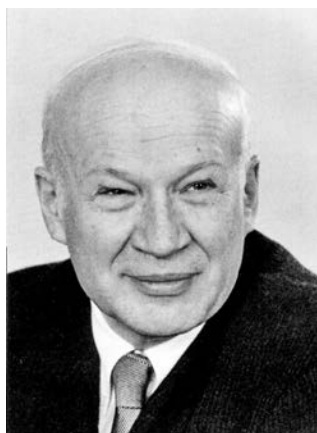
– Что, на Ваш взгляд, надо делать для преумножения былых и неоспоримых космических достижений?

– Очень хотелось бы услышать в новостях: «Сегодня с бразильского полигона Алкантара запущен искусственный спутник Земли. Запуск осуществлен ракетой-носителем «Циклон-4». И спутник, и носитель разработаны в КБ «Южное» в кооперации со смежными организациями и изготовлены в цехах ЮМЗ».

Мечты, мечты... Но мечты вполне исполнимые. Поэтому я искренне верю, что высокая романтика, то есть стремление раздвинуть границы познаваемого, обязательно поможет новому поколению создателей космической техники снова ощутить себя первопроходцами. И тогда будут новые песни и новые пуски, которые наполнят слова «Украина – космическая держава» реальными делами.

***Опубликовано в еженедельнике «2000»
21 октября 2011 года***

Поэт и бард ракетно-космической техники

«Дай судьба мне последнюю посадку...»

В. Чеховский

В фильме Андрея Тарковского «Солярис» разумная материя возвращает из своих пучин главному герою (его блестяще сыграл Донатас Банионис!) ушедших в мир иной близких. К сожалению, высший разум, если он есть, был не очень благосклонен к большой группе людей, которые в Днепропетровске делали всё возможное и невозможное, чтобы приблизить человека к глубинам Вселенной. К этой плеяде относится и Виталий Чеховский.

...Мы с ним смотрели «Солярис» в днепропетровском кинотеатре «Панорама», перебрасывались репликами, поскольку фильм не оставлял нас равнодушными. Я совершенно неожиданно вспомнил строчку из песни Виталия: «Мне бы только один перелет, ну хотя бы на год световой» и спросил, как ему в голову могла придти строчка «...шелестят по бортам туманности».

Он снял очки и вдруг сказал: «Я это слышал...»

Я удивленно притих, а потом мы вместе замолчали до конца сеанса. Кого-нибудь другого я немедленно поднял бы на смех, но в этой ситуации какая-то неведомая сила испепелила присущую мне иронию.

Я неоднократно вспоминал этот эпизод и определил для себя совершенно четко – в этом ответе был весь

Виталий Чеховский – поэт и бард ракетно-космической техники, участник и свидетель ее многочисленных взлетов, блестящих побед и горьких трагедий.

Я не помню, где и когда мы с ним познакомились. Это не удивительно. Виталий пришел на работу в КБ «Южное» на 4 года раньше меня – в 1958-м, и по роду деятельности наши дороги вначале не пересекались. Он работал в испытательном комплексе, я – в проектном подразделении. Но поскольку у меня в КБ уже до начала трудовой деятельности было много знакомых – в основном выпускников физтеха, я уже через полгода знал, кто такой Чеховский.

Объяснение лежит на поверхности. Тогдашний средний возраст коллектива КБЮ – 30 лет. Все жили работой, но молодость брала свое. Поэтому жизнь кипела и на спортплощадках, и вокруг редакции газеты «Конструктор», и на смотрах художественной самодеятельности. Не боюсь преувеличений – лидером молодежного крыла КБ «Южное», её кумиром был Виталий Чеховский! Высокий, стройный, спортивный шатен с красивыми глазами, которые удачно скрывали очки, с гитарой в руках был в определенной мере символом.

Наше заочное знакомство произошло не совсем обычно. В начале 1960-х годов шестидневная рабочая неделя была законодательной. И для меня, как коренного днепропетровчанина, было традицией в воскресенье днем продефилировать по проспекту Карла Маркса между улицами Серова и Короленко. Когда я первый раз увидел идущего по проспекту в глубокой задумчивости Чеховского, то подумал, что это случайность. Однако встречи стали повторяться, более того – мы несколько раз обменивались репликами, и я не сразу понял, что, прогуливаясь, он напряженно работал. Именно в эти минуты у него рождались стихи и тексты его песен.

Мы окончательно подружились в кавээновский период КБ «Южное» (1966-1967 гг.). Вокруг газеты «Конструктор» объединилась группа доморощенных «веселых и находчивых». Она сумела выиграть две встречи в Днепропетровске и вышла в полуфинал КВН вместе с командой Одессы.

В Одессе наша команда проиграла, но для меня это время послужило началом новых знакомств с целым рядом интересных людей, и не только в Днепропетровске. Пожалуй, в эти годы сложились наши отношения и с Виталием. Я уже тогда обратил внимание, что его оценки не лежат на поверхности, они отличаются глубиной, и если Виталий что-то одобрил, то сомневаться в удачном продолжении начатого не приходилось.

...Осенью 1967 года мы небольшим коллективом приехали в Одессу на один из первых союзных конкурсов туристской песни. Свои авторские песни подготовили Виталий и Александр Кабаков, который впоследствии уехал в Москву и стал знаменитым, написав «Невозвращенец». Конечно, одесситы были уверены в своем успехе, но когда на сцену вышел Чеховский с песней «Черное и белое», то после слов «очень красивый черный цвет, но лучше белого нет...» всем стало ясно, что победитель конкурса уже на сцене.

Виталий не был активным альпинистом и вряд ли любил бегать на соревнованиях по спортивному ориентированию. Главное было в другом – он чувствовал горы как поэт. Позволю себе предположить, что он оценивал свое альпинистское творчество по Владимиру Высоцкому, и очень часто во время застолья возвращался к его песням из кинокартины «Вертикаль».

После КВН наши отношения стали по-настоящему дружескими, для них были характерны и взаимное уважение, и симпатии, и то, что мы были, наверное, разными. На мое 30-летие он написал несколько строчек. Часть из них помню до сих пор:

*Я за романтиков, за праздничный салют.
Романтики душой и миром правят.
Умеренным и песен не поют,
И памятники у дорог не ставят...*

На мой взгляд, эти строчки в большей мере относятся к самому Виталию. Он выстроил себе памятник уже в первые годы

работы в КБЮ. Его стихи и песни о жизни на Байконуре стали частицей жизни большого числа людей не только на площадках, с которых стартовали ракеты, созданные нашим КБ.

Эти песни пели в конструкторских бюро и высших военно-технических училищах в Москве и Харькове, Киеве и Свердловске, Бийске и Плесецке. А широко известная «Снова под крылом аэропорт», или «Песня командированных», по праву стала гимном испытателей-ракетчиков.

Виталий умел видеть и чувствовать то, что беспокоило и тревожило многих, но эти многие и другие проходили мимо и не замечали, а он творил поэзию:

*Все развезло – нелетная погода –
Дожди стеной, туманы по утрам.
Я отсидел без малой четверть года
И расстаюсь с тобою, Тюра-Там...*

Лепить из жизни на Байконуре или Плесецке поэтические строчки мог только художник, который не замечал ржавую и теплую воду летом, непролазную грязь осенью, порошковый кефир по утрам и специфический запах полигонных гостиниц.

Было бы несправедливым отмечать у Виталия только полигонную тематику. Он был глубокий лирик, умеющий заглянуть и в свою душу, и в чужие привлекательные глаза. Отсюда его романы, которые с годами делались все более пронзительными: «Не уходи золотая пора, мы наш романс не допели с тобою...», и непосредственные адресаты его увлечений (чего греха таить), получавшие искренние строчки.

Чеховскому была присуща и гражданская поэзия. Его цикл стихов, посвященный байконуровской трагедии 24 октября 1960 года, по достоинству оценили и те, кто уцелел в том огненном аду, и те, кто потерял своих близких (в КБЮ работали и те, и другие).

В 1980 г. он не смог равнодушно принять смерть Владимира Высоцкого, песни которого жили в сердце Виталия рядом со своими:

*Возврата не будет, как в тех «Кораблях»,
Никто в этот мир никогда не вернется...*

А посередине между этими датами, совершенно неожиданно для своих друзей, вместе с Олегом Гойдой (он оставлял КБ «Южное» и уезжал поступать в Киевский театральный институт на режиссерский факультет) пишут песню «Взлетают ракеты». Я приведу только последние строки:

*Взлетают ракеты у них и в Союзе,
Растут мегатонны полезного груза.
Зачем же гоняться нам, Джон, друг за другом,
По кругу, по кругу, по кругу?..*

Вся песня проникнута пацифизмом, а никто из нас пацифистом не был. И все это в разгар термоядерной гонки. Какое-то прозрение...

В эти же годы Виталий расстается с телеметрическим комплексом 5 и переходит в группу ведущих конструкторов. Для меня это была неожиданность. Многие работники КБЮ очень хотели попасть в ведущие, изыскивали для этого праведные и неправедные пути.

Действительно, это была привилегированная группа, элита, одним словом. Входящие в неё были в современной терминологии менеджерами-разработчиками той или иной ракеты или космического аппарата и всегда «близкими» к руководству КБ. Виталия подобная «близость» не сильно интересовала, хотя он с большим уважением относился к Михаилу Ивановичу Галасю, Юрию Александровичу Андрианову. С Леонидом Даниловичем Кучмой они просто были друзья.

Он начал работать в группе ведущих конструкторов Станислава Ивановича Уса. Тематика – стратегические жидкостные ракетные комплексы. Его техническая эрудиция, обязательность, самостоятельность принимаемых решений не остались незамеченными, и уже в 1976 году Виталия назначают ведущим конструктором группы по твердотопливной тематике.

Я в это время уезжаю в Киев и начинаю работать в отделе оборонной промышленности ЦК КПУ. Твердотопливная тематика рождалась тяжело, и мы начинали встречаться с Виталием в Москве в Минобщемаше и в ЦК на Старой площади, в Киеве, Мариуполе, Харькове и, конечно, в Днепропетровске. Только теперь нас уже связывают не только дружба, но и сфера высокой производственной ответственности.

Меня поражают его работоспособность, умение сплотить вокруг себя самых разных людей. Но еще больше меня поразило кадровое решение Бориса Ивановича Губанова – заменить Виталия на должности начальника группы ведущих Г.Д. Хорольским.

Я искал причину происшедшего много лет. Искал потому, что Виталий, став заместителем Хорольского, не дрогнул, не сломался, а продолжал работать с удвоенной энергией.

И вот уже после распада СССР я в качестве Генерального директора НКАУ приехал в Москву на согласование документов в Роскосмосе. Неожиданно позвонил Борис Иванович и пригласил в гости.

Я приглашение принял. Должен отметить, что и я, и Виталий относились к Губанову и с уважением, и с симпатией. Встреча состоялась в скромной двухкомнатной квартире Губанова неподалеку от здания Минобщемаша. Борис Иванович в это время писал свою книгу «Триумф и трагедия «Энергии». О многом переговорили... И я всё-таки не выдержал и спросил: «Борис Иванович! А в чём была причина ротации Чеховского на Хо-

рольского?» Он посмотрел на меня иронически и сказал: «В ТВЕРДОтопливной тематике нужен был ТВЕРДОхарактерный ведущий конструктор, а не интеллигентный». Я не стал спорить, а только напомнил, как сложно проходили испытания первого в мире железнодорожного ракетного комплекса, и закрыть вопросы эргономики в нем мог только интеллигент. На том и расстались.

* * *

...Болезнь подобралась к Виталию вкрадчиво, незаметно. А он, практически никогда не болевший, и предположить не мог её последствия. В начале двухтысячных в гостинице «Киев» он просто иронизировал над предложениями о какой-то помощи... А дальше были трагические годы, которые он проживал мужественно, никого никогда ни в чем не виня.

Судьба не предоставила ему простую «последнюю посадку на планете, где родились и росли». На то она и судьба...

*После вручения государственных наград:
В.П. Чеховский, С.И. Ус, Б.И. Губанов, И.М. Издалов, В.П. Горбулин, 1976 год*

Одна жизнь и два бытия

*Еще не раз вы вспомните меня
И весь мой мир, волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.*

Николай Гумилев

Перед вами заметки о человеке, которому я обязан возможностью испытать вкус настоящей романтики и дружбы. Но эти понятия трудно поддаются точному определению, поэтому начну с бесспорного.

А бесспорно то, что Виталий Чеховский был одарен Богом. Красивый, рослый, сильный, сердечный – он всей своей природой был талантлив. Один из ближайших друзей Виталия – Юрий Мошненко – назвал Чеховского основателем полигонного ромansa.

В нем было что-то такое, что невольно с первого взгляда вызвало расположение, переходящее в любовь. Почему? Объяснить не берусь. Скорее всего, так проявлялись его чрезвычайная доброта, интеллигентность, непритязательность, доверительный тон общения, внутренняя нравственность, лояльность и внимательность к отдельной человеческой душе.

* * *

Как и многие, кто занимался ракетной техникой, Виталий реально находился на пороге двойного бытия. С одной стороны – рутинные будни и казенная обстановка полигонной гостиницы «Люкс»:

*...Мне надоело день и ночь работать.
Мне надоело «люксово» житье –
Три раза в день худых сайгаков лопать
И крепкое спиртовое питье...*

С другой стороны – красота старта, песня двигателей, романтика проникновения в неизвестность:

*... Мне бы только один перелет,
Ну хотя бы на год световой...*

В жизнь Виталия очень органично вошли люди, делавшие ракетную технику XX века. Это и люди высших эшелонов власти, это испытатели ракет, это и военные, принимавшие на вооружение ракетные комплексы.

В отделе Министерства общего машиностроения, который курировал работу КБ «Южное» и Южмаша, Чеховского любили все и дружили с ним крепко. А особенно – настойчивый и верный, тонкий психолог Владимир Давыдов, рубаха-парень со сметливым умом Анатолий Панкратов.

С Чеховским можно было поговорить, поспорить, выпить, пообщаться, попеть, подумать, посоветоваться. Искренность Чеховского, его правдивость позволяли на него опереться.

Виталий был кумиром молодых талантливых музыкантов – инженеров-ракетчиков Олега Косько и Михаила Будника. Он дружил с ними искренне, и они принимали его как старшего товарища.

Встречи его ближайших друзей: Бориса Александрова, Александра Янгеля, Юрия Мошненко, Владимира Горбулина, Владимира Задонцева и вашего покорного слуги – превращались в творческие, конструктивные и деятельные мгновения жизни, наполнявшие душевным теплом и романтикой нашу практическую деятельность по созданию ракетных комплексов.

Мы зачарованно внимали ему, пели его песни, читали стихи. И сердца загорались мечтой о космосе, романтикой командировок и любовью.

Вот несколько моих строк о том времени:

*... Там были песни о любви,
Про горы и ракеты,
И среди них был строй твоих –
Спасибо, Чех, за это!*

* * *

Жил Виталий в каком-то особенном душевном состоянии, с радостным восторженным чувством гордости за дело, которому он служит, а его поэтическое пространство вмещало космос.

... Но пространство зовёт беспокойное...

... И уносят людей ракеты...

*... Дай, судьба, мне последнюю посадку
На планете, где родились и росли...*

Амбициозных целей он не ставил. Карьеры не строил. Реально ему было все равно, на каких ролях быть в ракетной технике, лишь бы быть. С системой он не спорил, но и не служил ей. Аморальность власти понимал, но Родину любил.

У Виталия были четкие религиозные представления. Он понимал, что ничего просто так не пройдет и зло неизбежно будет наказано. Поэтому творил добро.

Он не умел добывать земные блага. Давали – брал. Не давали – не просил. Остро переживал страдания близких. И, как это ни парадоксально звучит, обладал беспощадной романтической логикой...

*Отгуляем годы,
Заберут невзгоды
Слёз янтарь.
Но под тем же кленом
Встретим мы влюблённых,
Всё, как встарь.*

* * *

Как достала его болезнь! Двенадцать лет медленного умирания и непримиримой борьбы. Мучения адские. Они забирали силы. Играть нельзя, петь нельзя. Зато можно думать, можно писать стихи. В них Чеховский еще острее осмысливал жизнь, а проще сказать, – жил! Он не дал болезни себя сломить, он победил! Несмотря на боль и страдания, Виталий до конца оставался дружелюбным, мудрым, искренним и старался добрым словом поддержать своих друзей и близких...

* * *

Однажды Чеховский написал:

– Замечают мой след хвостами кометы...

Так и хочется на это ответить его же словами:

– Пока *«звездный ветер играет на струнах миров»*, твой след не пропадет. И пока живут на земле ракетчики, твои стихи будут звучать под эти космические струны.

Телевидение и мы

Ныне Александр Кабаков – писатель с мировым именем. А когда-то он работал в КБЮ простым инженером и украшал эту простоту искромётными идеями. Одной из них стала идея сделать на местном телевидении литературную передачу силами технарей. Естественно, без песен Чеховского не обошлось.

А каково нашим ракетным талантам было в прямом телеэфире, Саша Кабаков рассказал в 17-м номере газеты «Конструктор» в уже далёком 1969 году...

...Наконец всё было готово. Был написан, три раза переписан и возвращён к исходному варианту сценарий. Участники передачи были в меру взволнованы, их родные и близкие – взволнованы неумеренно. На телестудии были заказаны пропуска, в кармане авторов передачи лежали таблетки триоксозина (исключительно сильнодействующего успокоительного...) – и маленький УАЗовский фургончик, из тех, в которых обычно перевозят мелкие грузы, мчал нас на улицу Телевизионную.

Нас – это Владимира Горбулина, Виталия Чеховского, Юлию Гафурову, Бориса Ступницкого, Эдуарда

Дорожинского, Евгения Анпилогова и автора этих строк.

В тот день мы должны были познакомить телезрителей города (вернее, ту небольшую часть, которая до этого не была знакома) с нашими увлечениями.

Бесконечно передвигая кресла и вспоминая бессмертного Ивана Андреевича Крылова и его слова относительно музыкантов и их манеры сидеть, мы провели последнюю репетицию.

Режиссёр смахнул холодный пот, погас свет, и мы перешли в вестибюль, где из многочисленных зеркал на нас напряжённо и отчаянно смотрели какие-то бледные люди. С трудом мы узнали себя.

Незаметно прошёл час, и мы, спотыкаясь и чувствуя, как текст улечивается из головы, заняли свои места и... успокоились. Кто-то даже подмигнул помощнику режиссёра (девушке). Впрочем, она, наверное, приняла это за нервный тик.

И передача началась.

Рассказывать о передаче не буду, вы её видели. Читали, пели, сбившись, снова читали и снова пели.

Рисунки Латышко и Платонова, фотографии Костина время от времени скрывали наши лица, за что мы им особенно благодарны. Оператор делал «наплыв» на мужественное лицо В. Чеховского, и тяжёлая камера наезжала на ноги сидящих перед ним. Телезрители подпевали «Песне о командированных», с удивлением воспринимая её телевариант. Эдик Дорожинский грустно острил, а все мы весело грустили. Короче, всё шло как полагается и, что самое важное, закончилось вовремя.

Мы остались довольны телестудией (где многие из нас встретили старых друзей, а некоторые приобрели новых), а телестудия – нами, главным образом, как мне кажется, по уже указанной причине: мы уложились минута в минуту.

Когда мы вышли из здания студии, кто-то заметил, что погода значительно улучшилась, потеплело. Быть может, это тепло нашей лирики согрело осенний вечер – по обыкновению скромно решили мы – и пошли домой.

Вот и всё. Теперь можно сделать то, что обычно делают вначале.

Итак, мы выражаем благодарность редакции газеты «Конструктор» и партийному комитету за их помощь в организации передачи.

Немного официально, но зато заслуженно.

Мой друг и учитель

В сентябре 1977 года меня назначили ведущим в группу Чеховского. В то время Виталий Прокофьевич курировал со Станиславом Ивановичем Усом ракету 15А14 и в параллель был назначен ведущим конструктором по 15Ж44.

После выхода решения о создании комплекса 15Ж44 началась подготовка по разработке головного сетевого графика и проведению Совета Главных конструкторов (СГК).

Виталий Прокофьевич заботливо натаскивал меня и давал советы на этапе подготовки и проведения первых СГК. Его умение обходить подводные камни и противостоять скрытым течениям очень помогало в работе. Но ещё больше помогали его доброжелательность и прямо-таки отеческая забота о тех, кто рядом.

С 1979 по 1982 год мне приходилось почти постоянно находиться в Министерстве общего машиностроения и готовить проекты постановлений правительства и решений руководства Военно-промышленного комплекса СССР по изделиям 15Ж52 и 15Ж61.

Уже тогда я в полной мере оценил широкий технический кругозор своего наставника и его способность даже в самом запутанном вопросе найти правильный выход.

Убедившись, что я уже освоился в новой среде, он стал приезжать только в случае согласования документов на уровне руководства Министерства обороны или смежных министерств.

Запомнился такой эпизод. При выпуске одного из решений по изделию 15Ж52 мне осталось получить подпись начальника Первого главного управления МОМ В. Н. Иванова. Однако все мои старания не приводили к нужному результату. Наверное, я был слишком настойчив, потому что последний визит завершился приказом о вынесении мне выговора за нетактичное поведение.

Это могло стать настоящим провалом, если бы уже на следующий день Чеховский не прилетел в Москву и как искусный дипломат не сломил сопротивление грозного Иванова.

В итоге подпись была получена, а я получил наглядный урок бескровного взятия неприступной крепости...

* * *

Виталий Прокофьевич был убеждённым трудоголиком. Он практически не бывал дома и, что называется, жил на колёсах, мотаясь то на полигоны, то в Москву, то в другие города Союза.

Находясь с ним в этих командировках, я поражался его энергии. В свободные минуты, а часто и среди ночи, когда все отдыхали от напряжённого ритма полигонной жизни, он увлечённо писал новые стихи, которые брали за душу своей глубиной и лиричностью.

Помню, как на него подействовало известие о смерти Высоцкого. Впервые я увидел в его глазах слёзы.

В течение двух-трех недель Чеховский ходил сосредоточенно замкнутый, а потом прочитал мне стихотворение, которое впоследствии стало песней в память о Владимире Семёновиче.

* * *

Отдыхать ему удавалось очень редко. А если выпадал случай, Виталий Прокофьевич брал семью и друзей и ехал на дачу под Илларионово. Там мы собирали виноград, делали вино, а потом в гараже снимали пробу и слушали песни...

Уйдя из его группы, я продолжал поддерживать со своим учителем дружеские отношения и в любых трудных производственных или житейских ситуациях шёл к нему за советом.

Все перегрузки, выпавшие на его судьбу, не прошли бесследно. Тяжёлая болезнь не позволила Чеховскому продолжать трудиться в родном КБ «Южное», но и уволившись, он не прервал связь с бывшими соратниками и остался в центре событий.

Обладая самобытным литературным талантом, он писал сценарии к фильмам, готовил материалы для книги о КБ «Южное» и людях, с которыми его свела судьба.

Поэтому преданность и беззаветная любовь к делу стали достойным памятником светлому песенному конструктору Виталию Чеховскому.

Ведущий продюсер

Впервые о Виталии Чеховском я услышал где-то в 1981-м. Тогда я мнил себя великим талантом, строчил дилетантские стихи и прозу, как пулемет Гатлинга, но при этом работал ordinary инженером в отделе метрологии. Каверзная командировочная судьба занесла меня на Байконур. Естественно, в гостинице посреди степи по вечерам употребляли горячее ракет Р-1, пели под гитару в основном стандартный бардовский набор.

И лишь одна из песен, незамысловатая, но душевная, о племени командированных была здесь культовой: и потому, что очень соответствовала обстоятельствам, и потому, что автором был некий Чех – ведущий конструктор Чеховский. Заинтересовавшись, выяснил, что ведущие конструкторы – это жутко серьезные и ответственные люди, их даже селят в соседнюю гостиницу для начальства, где кондиционеры имеются, в общем, не чета простым смертным.

Позже, уже в Днепре, Чеховского увидел. Я готовил документ о переносе сроков испытаний одного объекта. Документ надо было согласовать с ведущим конструктором. Меня исходно застращали, что, мол, срыв сроков – это ЧП союзного масштаба, никто мне его никогда не подпишет, а Чех – так тем более, потому как суров до невозможности. Но деваться-то было некуда. «Вживую» Чех оказался не так страшен, как его малюют. Быстро просмотрел принесенные документы, задал пару грамотных вопросов, убедился, что задержка объективная, а не по разгильдяйству, и осчастливил меня своим производственным автографом. Про песни и прочую лирику я, разумеется, ничего не спросил. Спро-

свить удалось на одном из творческих вечеров, который организовывала редакция газеты «Конструктор». Помнится, читал я со сцены свой сатирический рассказец и для пущей художественности говорил все громче и громче. А следом за мной со своими песнями выступал Виталий Чеховский. Подойдя к микрофону, он первым делом извинился перед публикой, что не обладает столь звучным голосом, как предыдущий оратор. В общем, Чех меня заметил, и у меня появился повод поговорить с ним неформально. На мой глубокомысленный вопрос «А с какой такой стати рождаются его песни?», Чеховский ответил: «Ты же на полигоне был. Сам подумай, чем там заниматься, когда в Днепр еще рано, а спирт уже не лезет?». Вот так искренне и незамысловато, безо всякого пафоса насчет великой миссии Литературы!

Подлинно дружеских отношений между нами быть не могло: и разница в возрасте, и в статусе, и полярность приоритетов: у Чеховского на первом месте всегда были ракеты, а у меня – все-таки сочинительство. Но во время регулярных пересечений на тех же творческих вечерах мы общались, и меня каждый раз цепляла ненавязчивая универсальность Чеха. По сути, он являлся живым ответом на популярную в то время дискуссию, кто важнее – физики или лирики.

И лишь много позже, покинув КБ «Южное» и Южмаш, поработав в кино, шоу-бизнесе и на телевидении, я смог, наконец, кое-что в отношении Виталия Чеховского сформулировать. А именно: он поспешил родиться. Появись Чех на свет лет на пятьдесят позже, то наверняка стал бы суперуспешным продюсером. Будучи музыкально и литературно одаренным, он еще обладал и незаменимым, но столь редким умением организовывать продуктивную работу таких же неординарных и талантливых людей, как он сам.

Но история не терпит сослагательного наклонения. Провидению не был угоден Чеховский-продюсер. Зато мы узнали Виталия Чеховского – классного специалиста, талантливого барда, тонкого собеседника и обаятельного человека.

Испытатели

В стенах КБ их не отличишь от основной инженерной массы – конструкторов, проектантов, кураторов, технологов. Но начались испытания – и всё у них по-другому: нет определённого распорядка рабочего дня, нет табельной доски – есть вахта, одна непрерывная смена с короткими «перекурами» для сна и еды.

...Далеко остались домашние заботы. Некогда! Быт каждого подчинён общей цели.

Как рассказать обо всём этом? А может быть, лучше расскажут сами испытатели? Ведь эта отрешённость от других дел и жизнь единой семьёй не могут не отразиться... в песне!

*Снова под крылом аэропорт
Промелькнул и скрылся в синей дали...*

Эти слова стали гимном испытателей. Впрочем, испытания начинаются значительно раньше.

*Однажды позовёт тебя начальник –
Работы в цехе начались.
Живём, как на колу.
Возьми, брат, раскладушку, бумагу и паяльник,
И коль придётся в цехе спать – так спи не на полу.*

Но это только подготовка, которая иногда затягивается на несколько лет. А настоящие испытания – ещё впереди!

*Горизонт – бескрайние пески,
Разбежались огоньки площадок.
Здесь не умирают от тоски,
Здесь не говорят, что мир несладок.*

Сколько связано с этими местами! Мы помним первых испытателей Володю Рыкова и Володю Толкачева, Борю Александрова и Лиду Калинкину. Впрочем, тогда не было такого строгого деления, и порой испытателями становились и Михаил Кузьмич Янгель, и Лев Абрамович Берлин, и Василий Антонович Концевой.

Помним, как ждали первых результатов и сообщений ТАСС. Сколько гордости в старой песне:

*Мы кончили работу и нам пора в дорогу,
Пускай теперь охрипнет товарищ Левитан.*

Правда, не всегда следовали победные реляции.

Бывали и неудачи. И пусть каждый понимал, что без них нельзя, всё равно чувство личной вины ранило больно.

Помним мы и трагические дни шестидесятого.

Навсегда остались в наших сердцах Лев Берлин, Василий Концевой, Женя Аля-Брудзинский, Виктор Орлинский, Аркадий Кошкин, Анатолий Бабушкин, Лёня Ерченко, Володя Карайченцев.

Но мы не отступили. И опять новые поиски, новые испытания, которые прочно связаны с именем Виктора Васильевича Грачева:

*И пора, бывает, наступает,
Пропадает аппетит и сон
И тогда большой Грачевой стаей
Вылетаем мы на полигон...*

Однако испытания – это не только работа. Это часть жизни, которая немислима без быта.

*Гостиницы с клопами и пыльные дороги –
Всё это нам, товарищ, пришлось поиспытать.
Пускай газеты пишут, что мы живём, как боги...*

Давно это было, а сейчас двухместные номера с ванной или душем уже не кажутся сказочной роскошью. Но что никогда не изменится – так это тоска по дому, по тем

*...кто ждёт в далёких городах
командированных неугомонных племён...*

Чего только не передумаешь за долгие месяцы командировок! А если к тому же ещё и письма не приходят?

*...За окошком мотовоза
Саксауловы кусты.
С корнем выдерну занозу,
Что загнала в сердце ты...*

Но всё когда-нибудь кончается. Кончаются и командировки.

*...Мне надоело день и ночь работать,
Мне надоело «люксово» жильё...*

*...Ещё денёк, и с самолёта низко
Родимый город увижу сквозь туман...*

Что может быть желаннее этого мига? Только новая работа! Поскольку испытатель, скорее, не профессия, а призвание. И Виталию Чеховскому удалось доказать это предельно точно...

*...Ещё не раз на борт
Взойдём толпой нестройной,
Ещё не раз вручат
Приказ нам роковой.
И снова будет жизнь
Предельно беспокойной,
И снова день и ночь
Смешаем мы с тобой.*

Часть 2.

**Стихи и песни
Виталия Чеховского**

Из сборника 1995 года:
«Снова под крылом аэропорт»

Песня командированных

*Снова под крылом аэропорт
Промелькнул и скрылся в синей дали.
Нас не провожал гитар аккорд,
Жены нам платками не махали...*

*Впереди гостиниц новый мир,
Захолустье, иногда – столица.
Сколько было сменено квартир,
Сколько раз другие были лица.*

*А мы летаем, мчимся в поездах,
За преферансом коротая время.
Нас миллионы в разных городах,
Командированных неугомонных племя.*

*Горизонт – бескрайние пески,
Разбежались светлячки площадок,
Здесь не умирают от тоски
И не говорят, что мир не сладок.*

*Просто здесь колючие ветра,
Спирт да снег и ни одной девчонки,
Иногда работа до утра,
Иногда ракеты голос громкий...*

*А мы летаем, мчимся в поездах,
За преферансом коротая время.
Нас миллионы в разных городах,
Командированных неугомонных племя.*

*Пусть судьба чуть обделила нас,
Но простить мы это ей сумеем,
И, собравшись вместе в поздний час,
Выпьем все за то, что не стареем.*

*За все дороги – в лёте, в поездах,
За преферанс, за мчащееся время,
За тех, кто ждет в далеких городах
Командированных неугомонных племя.*

23.02.64

Михаил Кузьмич Янгель перед дальней дорогой...

Пора испытаний

*Испытаний долгие недели,
По цехам жужжим, как комары,
Копошимся в потрохах изделий
И с волнением ждем своей поры.*

*И пора, бывает, наступает,
Пропадает аппетит и сон,
И тогда большой Грачевой* стаей
Вылетаем все на полигон.*

*Нас немного: два иль три десятка,
Мы всегда небриты и наглы,
И у нас недостает порядка,
Потому что друг пред другом мы равны.*

*Капитан Грачев – он парень истый,
Мы ему товарищи, друзья –
Управленцы и телеметристы,
«Люксом»** породнённая семья.*

*А когда удачная работа –
Под ногами падает земля,
Значит, на ночь кончились заботы,
И гуляет дружная семья!*

* Грачев Виктор Васильевич – технический руководитель испытаний ракет КБЮ

** Гостиница на одной из площадок Байконура

Песчаный город

*Всё развезло – нелётная погода –
Дожди стеной, туманы по утрам.
Я отсидел без малой четверть года
И расстаюсь с тобою – Тюра-Там*.*

*Мне надоело день и ночь работать,
Мне надоело «Люксово» житье –
Три раза в день худых сайгаков лопать
И крепкое спиртовое питье.*

*Прощай, песок, прощай, колючий ветер,
Прощай, моя не снятая звезда...
Быть может, я вас больше и не встречу
Быть может, расстаемся навсегда.*

*Еще денек – и с самолета низко
Днепропетровск увижу сквозь туман,
И я пойму, что все ж не стал мне близким
Песчано-желтый город Тюра-Там.*

* Ж. д. станция полигона Байконур

Полигонные деньки

Жизнь меня забросила на новый полигон,
Необычен, непривычен он русской красотой.
Пред последним финишем хотелось взять разгон
В плане расставания с необычной мечтой.*

*Сколько было пройдено нехоженых дорог,
Все казалось, что чуть-чуть – и вот он – горизонт,
Кончится сумятица волнений и тревог,
Прошлое забудется, а вспомнится как сон...*

*Но нет не забываются прожитые дни –
Телом и душой оплачены они,
Перевиты нервами, сдобрены консервами
Наши полигонные деньки.*

*Оглянулся, убедился – рядом наши все,
Захотелось окунуться сразу в красоту.
Проанализировал – возможности не те,
Как мне с ними догонять её – мою мечту?*

*Ну а вечером, как прежде, все пошло путем,
Собралися за столами мы без лишних слов,
Не было у нас двух мнений – а за что нальем,
Потому что во главе был Леня Грибачев.*

*Но нет, не забываются прожитые дни –
Молодостью нашей окрашены они,
Видели нас первыми, битыми, но верными,
Наши полигонные деньки.*

* Полигон Плесецк

*Без преувеличения Север – ох, хорош!
Где там бочке, солнцепёку и гнилой воде.
И леса здесь, и озера, и, вообще, что хошь,
Если б только не работа, вот бы побалдеть.*

*Долго петь, да делу время, а потехе час –
Завтра снова спозаранку «дальняя» зовет.
Кончим «дело» и продолжим начатый рассказ
О мечте, с которой каждый здесь живет.*

*Нет, не забываются прожитые дни,
Пусками ракет украшены они,
Громкими победами,
В честь побед – обедами,
Наши полигонные деньки.*

Северные, южные широты...

Виктору Грачёву

*Северные, южные широты,
Параллели средней полосы...
Но везде всегда одни заботы,
И не скажешь, что они просты.*

*Надо научить летать машину –
Химию, обутую в металл.
Этим занимаются мужчины
Сутками не выпрямляя спины,
И никто не скажет, что устал.*

*Можно раз экзотики коснуться
И – надолго в кабинетный дрейф,
Можно раз уйти и не вернуться –
Разнесёт по свету суховей.*

*Только надо быть и возвращаться
Проискам судьбы наперекор,
За победу как мужчины драться,
Если окружили – не сдаваться
И закончить в свою пользу спор.*

*Настанет время, и в последний раз
Тебя судьба пошлёт в командировку,
И без лишних слов, без громких фраз
Снова будет выполнен приказ
На любой из этих параллелей,
На которых годы пролетели,
На которых наша жизнь прошла.*

Холодный ветер

*Памяти друзей, погибших
24 октября 1960 года*

*Холодный ветер метет песок,
Работы к концу идут.
Команды люди на старте ждут:
До старта осталось тридцать минут.
Тридцать минут...*

*Кровавым светом взорвалась степь,
Из камер фонтан огня.
На сотни метров горит земля.
Прощайте, товарищи и друзья.
Прощайте, друзья...*

*Машина гибнет – спасти нельзя,
Люди живьем горят.
Там было много простых ребят,
Они погибли. Пускай простят.
Живым простят...*

*Печаль мужская сильна без слов.
Слеза не иссушит глаз.
Но и в победы, и в трудный час
Всегда мы память храним о вас.
Память храним о вас...*

Ах, октябрь, октябрь...

*В память о 24 октября 1963 года**

*Ах, октябрь, октябрь, с осин отлетает лист.
По бетонным дорогам хвосты песков замели.
Ветер зло и колюче бросает вопросы в лицо,
Словно хочет найти по прошествии лет храбрецов.*

*Полигонные годы длинны, как инверсии след.
Миг счастливый запомнишь, запомнишь трагедии бед,
Офицерские будни и тяжкую службу солдат,
О которых в курилках и то втихаря говорят.*

*А до 41-й подать рукой напрямик.
Факел вздрогнул, пескам подморгнул и сник.
Задрожала и съежилась в страхе предсмертном степь:
По кому ж нынче песни слагать и петь?*

*Только песни теперешних дней, прости, не о том:
О героических делах, о героях мы громко поем.
А о тех, кто дорогу во тьме прорубает им,
Мы бессовестно долго, бессовестно долго молчим.*

*Ах, октябрь, октябрь, с осин отлетает лист.
На центральной аллее еще один обелиск.
На центральной аллее продлился надгробий ряд,
Вечным сном там герои-ракетчики спят.*

* В этот день погибли испытатели при аварии ракеты-носителя «Союз». Даты трагедий 1960-го и 1963-го непостижимым образом совпали, и с тех пор пуски на Байконуре 24 октября не проводятся.

Северное танго

*Ты не спеши, судьба, сама уйти,
Я провожу тебя – надежней будет.
Пересекаются пути,
И в катастрофах гибнут люди.*

*И в сообщениях слышим между строк:
О помощи взывают чьи-то души,
Переступи же свой порог
И поспеши на помощь ждущим.*

*Северное танго – морозы да метели,
Снежные заряды отбивают ритм,
И разлуки нашей тянутся недели,
И под редким солнцем белый снег горит.*

*Не жду подарков от твоей любви,
И мелкой славой ты меня не мучай,
Прибереги все для других,
Пусть мной играет в жизни случай.*

*Незабываемый ракеты след.
Кружилось небо и земля качалась.
Как много горечи и в радостях побед,
Что быть счастливым счастья не осталось.*

*И если было что, прости меня,
Не обижай любви уставшей память,
Как струны нервы перетянута звенят,
Мгновений много, да вот жизни не осталось!*

*Северное танго – морозы да метели,
Снежные заряды отсчитывают ритм,
Кончатся качели – жизни карусели,
И мы станцуем танго, танго для двоих.*

Валентина

*День осенний морозный и ясный,
Не октябрь, а впрямь – наважденье.
На душе так легко и прекрасно –
Моей тайны настал день рожденья.*

*В этот день, не таясь и не прячась,
Я могу рассказать всем дурачась,
Оборвав слухов злых паутину,
Как люблю я свою Валентину.*

*Валентина, моя Валентина!
О жемчужина северной дали.
Ты и грусть, и тоска без причины,
Ты и радость моя, и печали.*

*Ты и скромность сама, ты и нежность...
Как сурова разлуки безбрежность!
Недописанная ты картина,
Валентина, моя Валентина.*

*Как уходят стремительно годы,
Чередую морозы и грозы,
Час веселья сменяют невзгоды,
А стихи отступают пред прозой.*

*Только ты неизменно прекрасна
Незнакомая мне страсть и ласка,
Уходящая вдаль бригантина –
Валентина, моя Валентина!*

Валентина, моя Валентина...

Слякоть

*Слякоть на улице, слякоть в душе.
Светлого нет пятна.
Кажется, всё это было уже
В обществе «Осень-весна».*

*Там, где равняются возрастом,
Друг к другу относятся бережно,
А говорить если образно –
Пахнет земное нежностью.*

*Снег неожиданно тропки замёл,
Гаснет огонь очага.
Я город два раза вокруг обошёл,
Хотя до тебя два шага.*

*Хочется влезть в одолжение,
Меж нами ж стена незримая
Стоит предостережением –
И вновь, и вновь всё мимо я.*

*Робость, быть может, в себе поборю,
Паду пред тобою ниц.
Я человечность боготворю,
Её же в тебе – без границ!*

*Мне бы с озноба чашечку
Кофе иль крепкого чая...
Хватит с меня чудачества,
Души я в тебе не чаю!*

Раздумье

*Лежу с собой наедине,
И мыслей тысяча во мне –
Куда их нынче разбросать, не знаю.
Передо мною горизонт,
И ты пришла, как поздний сон,
Который рано утром исчезает.*

*На белоснежных простынях
Нет слов, а только «ох» да «ах» –
Невысказанные кручины.
По ласке губ, объятьям рук
Не встреченных пока подруг
Тоскуют про себя мужчины.*

*Наутро снова мрак, тайга –
До них, как прежде, два шага,
Как два часа, оставшихся на сон.
Усталость подступает вдруг,
Сужается мгновений круг,
Но так же нервы рвёт аккордеон.*

*Мы существуем не назло,
И пусть в одном нам повезло –
Взгляд в бесконечность честными глазами.
И детства сбудутся мечты,
И снова, снова будешь ты.
Но брать всё надо чистыми руками.*

В ожидании Веры

*Ну, сколько можно было ждать
Не для того, чтоб целовать,
А просто, просто чай попить на пару.
Чего я только ни чудил:
И в магазин ходил, и пил,
И раза три настраивал гитару.*

*Я сердцем слушал двери стук
И каблучков на маршах звук.
Спросите: много ль надо инженеру?
В далёкой от родных глуши
Погреться у чужой души
И успокоить рвущиеся нервы.*

*Но вместо двери сердца стук –
И вот уже себе я друг,
И в зеркало – «меня ты уважаешь?»
Уж нет конфет, и чай остыл,
С собой я много говорил,
Но ты об этом, жалко, не узнаешь.*

*Передо мной сосновый бор,
Да вот с годами перебор –
Я стал доверчивым не в меру.
Все три часа, что у окна,
Мозги сверлила мысль одна:
Ну как я мог поверить в эту Веру?*

*По трезвой я могу понять,
Мне что два пальца посчитать:
Вдруг в гости к незнакомому мужчине?
Но не бойсь, ты не одна –
Передо мною вся страна,
А город мой стоит посередине!*

Случайная встреча

*Встреча случайная стала нечаянно
Очень большою бедой,
Все от того, что на миг стал отчаянным
И разошелся с тобой.*

*Но разошлись не по улицам города
Наши тоннели-пути.
Сразу пропало, что было так дорого,
И до сих пор не найти.*

*Белый туман морозит и струится,
Инеем все обросло,
Двигутся мимо застывшие лица,
Нет лишь тебя, как назло.*

*Сила в движении. Я в измождении
Приподнялся на этаж.
Было бы чем приподнять настроение,
Сразу пустился б в кураж.*

*Только кураж мне не снится неделю уж –
Словно Сахара вокруг.
Стала нам сушь образцом поведения –
Верный и преданный друг.*

*Ну а по делу, так снова без тела я,
Снова без близкой души.
Вот что случайная встреча наделала,
Грош разменяв на шиши.*

*Встреча случайная стала нечаянно
Очень большою бедой,
Все оттого, что на миг стал отчаянным
И разминулся с тобой.*

Невидимка

*Ты мне на нервах не играй –
Жизнь коротка, ты это знаешь,
И если сможешь, то бросай –
Последний шанс предоставляешь.*

*Уйти в себя, уйти в другой
Мир нарисованных картинок,
Но будь поласковой со мной,
Ведь я из стана невидимок.*

*Невидимым к тебе приду,
Дотронусь мыслью похотливо,
Во сне то ль будет, наяву ль –
Не быть тебе с другим счастливой.*

*Не сможешь ты меня забыть
Не как мужчину, а как песню.
Скажи, зачем такая прить?
Ведь будет так неинтересно.*

*Шуршит по елям снегопад,
В декабрь укутались морозы,
Уж лучше в лад, чем невпопад,
Дарить судьбе и смех, и слезы.*

*И неприкаянность свою
Несу, как бремя, по дорогам,
Осталось мало нас в строю
Душой и телом недотрожек.*

*Ну если сможешь, то бросай
И доживай своей судьбою,
В других меня не узнавай,
А я останусь сам собою.*

*Мой звездный час не наступил,
Он где-то рядом, пред рассветом...
Хватило б только в жизни сил,
И я прошу судьбу об этом.*

Военный городок

*Военный городок, осенняя пора,
На юг умчались птицы перелетные,
Обсыпала горохом школы детвора,
И встречи все сложней и мимолетнее.*

*Унылые дожди несут душе печаль,
И в воздухе витает откровенность.
Достраивает жизнь последний мой причал,
О! Как горька земная наша тленность!*

*Военный городок. Коляски во дворах,
На улицах зеленые шинели,
И ты среди них одна. Охватывает страх –
Неужто что-то в жизни просмотрели?*

*А может, зная всё, что ждёт нас впереди,
Мы просто не дослушали друг друга:
Как сердце рвалось в крик, стонало как в груди...
Метет по просекам осиновая вьюга.*

*Военный городок. О сколько было их
Ухоженных и грязно неуютных.
Оглядываюсь я, и все они мои,
Как день, как ночь, как розовое утро!*

*Оставив позади гостиничный порог,
Взвалив воспоминания на плечи,
Прощаюсь я с тобой, военный городок,
Вернее – до свидания, до встречи!*

Осень

*Много песен новых,
Много песен старых
Мы поём,
Но под звон гитары,
Как бы не устали,
Не уснём.*

*Опускает осень руки,
Осыпаются цветы.
И душа по переулкам
Провожает в даль мечты.*

*Глянь, с берёз зелёных,
Тополей и клёнов
Листья падают.
На ребят влюблённых
Слёзы этих клёнов
Капают.*

*Отгуляем годы – заберут невзгоды
Слёз янтарь.
Но у тех же клёнов
Встретим мы влюблённых,
Всё как встарь.*

*Опускает осень руки,
Осыпаются цветы,
И душа по переулкам
Провожает в даль мечты.*

Неземные странности

*Мне бы только один перелёт,
Ну хотя бы на год световой!
Всё равно – назад ли, вперёд,
Только чтоб повстречаться с тобой.*

*Я б тебе подарил сувенир:
«Гончих псов» или ковшик «Медведицы».
Только так устроен наш мир –
Ничего от того не изменится.*

*Бороздят пустоту корабли,
Шелестят по бортам туманности...
Ты меня на Земле извини
За мои неземные странности.*

Танго

*Это танго – признание,
Это танго – танец разлуки,
Танец Солнца и моря,
Танец вечной любви.*

*Вспомни неба свинцовые тучи,
Колючий ветер и злые дожди,
И волн, на причал набегających, кручи,
И крики чаек: погоды дождишь!*

*Вспомни последнее – первое танго:
Легкий туман – хмельное веселье,
Мысли неслись в голове ураганом,
И руки, к тебе прикоснувшись, немели.*

*Вспомни, ведь что-то хорошее было
В этих холодных минутах апреля.
Всё вроде ушло, позабылось, остыло,
Но сердцем расстаться мы не сумели.*

*Это танго – признание,
Это танго – танец разлуки,
Танец Солнца и моря,
Танец вечной любви.*

Подражание Окуджаве

*Жил-был король. Почти король –
Без свит, без королевства.
Страну он вдоль и поперек
Давно облазил с детства.*

*Она жила в его мечтах,
В его руках с гитарой.
Помпезности он не любил,
Ведь был король нестарый.*

*Он много пел и много пил
За жизнь, за забубенную,
И с королевой в связь вступил
Пока что – телефонную.*

*Искал нейтральную страну,
Чтоб ближе познакомиться.
Ему казалось: обниму –
И все бывшее вспомнится.*

*И за бутылку он нашел
У принца Павла здание,
И там две ночи целовал
Безумное создание.*

*Он сделать большего не смог –
Синдромы алкогольные...
Чтоб не швырнули за порог,
Пел песни меланхольные.*

*Слеза бежала за слезой,
В пустое жизнь катилась,
И был король тот сам не свой,
Как будто всё приснилось.*

*И нынче снятся королю
Тех двух ночей напевы.
Он и сегодня во хмелю,
Хоть нету королевы.*

О радостях

Радуйтесь!

Вы, все под этим небом, радуйтесь!

Своим, своим гордитесь именем,

И всё хорошее вы празднуйте!

Приходит Новый год – вы радуйтесь,

Наверняка с хорошим встретитесь,

С душой красивой не в парадности,

А с той, которую приветите.

Радуйтесь! Ведь слёзы в жизни тоже радостны,

Когда дарят нам избавление

От дум пустых и глупой праздности

И вводят нас в повиновение.

Радуйтесь! И принимайте поздравления,

И принимайте пожелания!

Романс

*Который день подряд
Метелью вечер дышит,
На сердце мрак, а на душе печаль.
И вряд ли разум твой
Всю боль души услышит,
Ведь между нами даль,
Безвыходности даль.*

*Не суждено внести
В твой мир крупицу счастья,
Покой душе и безмятежность снов.
Судьба неблагоприятна к нам
И слепо безучастна
К словам, звучащим вновь,
К мольбам, зовущим в новь.*

*Превозмоги ж себя
И стань над страстью выше,
Забудь на миг и слезы, и любовь,
И снизойдет покой,
Благословит неслышно
И успокоит боль,
Безудержную боль.*

Высоцкому

*Куранты не били, салют не гремел,
И рота курсантов не сопровождала.
Стонала Земля от шороха тел
И в ритме горя с ними дрожала.*

*Мокро от пота, мокро от слёз,
Чугун в голове, на сердце – пусто.
Июль во дворе, а по коже – мороз,
В последний путь провожаем искусство.*

*Знали его не только в Москве –
Знали провинция и заграница.
Он – песенный бог, он известен везде,
Такое с другими не повторится.*

*И кони его принесли седоков
На берег последней воспетой им речки.
Товарищ ушёл, сбросив призрак оков –
Есть только надгробье и скорбные речи.*

*Возврата не будет, как в тех «Кораблях»,
Никто в этот мир никогда не вернётся.
И стало теперь не хватать нам тебя,
И песни твоей, что народной зовётся.*

*Ты там не один. Ну прислушайся, друг,
С тобою рядом наши души трепещут,
На братских могилах не ставят крестов,
«Но разве от этого станет нам легче».*

Неприветливый край

*Неприветливый край –
Днём и ночью дожди.
Ты меня не встречай,
Моих песен не жди.*

*Никуда не уйти –
Караулом тайга,
Все дороги-пути
Залегли в проводах.*

*Пусть мне ветер несёт
Запах свежий берёз,
Пусть мне ветер несёт
Боль и соль твоих слёз.*

*Ну а если судьба –
Значит, нас не найти,
И укроет тайга
Все дороги-пути...*

Грустная песня

*Уходит в прошлое моё хорошее,
Мои желания, моя мечта,
На перегибе лет хотел сорвать я цвет,
Но помешали страх и суета.*

*Ну что ж печалиться, ну что ж кручиниться,
Цветы оборваны в моём саду.
Обиды к жизни нет, уже немало лет
Я неприкаянно по ней иду.*

*Не уходи, золотая пора,
Мы наш романс не допели с тобою,
И не ревнуй, что случайно вчера
Сошелся я с беспокойной судьбою.*

*Минуты катятся, как волны синие,
Летят мгновения случайных встреч.
Воспоминания – моё уныние,
И мне себя от них не уберечь.*

*Ты, может, сжалишься, приостановишься,
Разгладить бережно морщин следы,
Поможешь к осени мне подготовиться
Одним сознанием, что рядом ты.*

*Не уходи, золотая пора,
Мы наш романс не допели с тобою,
И не ревнуй, что случайно вчера
Сошелся я с беспокойной судьбою.*

Моя песня...

*Моя песня без запева, без припева,
Моя песня без мелодии, без слов.
Я пою ее негромко и несмело,
Словно соткана она из наших снов.*

*Так случилось, что ты сразу полюбила,
Жаль, что толком наглядеться не пришлось.
Неужели суждено, чтобы только снилась,
Неужели всё струной оборвалось.*

*Не могу кричать о том, как я страдаю,
Это ветер за окошком прокричит.
Мне казалось, пять минут тебя я знаю,
Ну а вспомню, сердце болью задрожит.*

*Что мне делать, как забыть свои печали,
Потерять тебя в бессоннице ночей.
Неужели ты теперь своим молчаньем
Возвратила меня к юности моей.*

*Между нами километры, километры
Пролегают, ну и что же, не беда,
Я готов к тебе сейчас примчаться с ветром,
Чтобы больше не расстаться никогда.*

*Только, видно, мне и ветер не поможет,
Очень горько сознавать, что так стряслось.
Неожиданно так чувства растревожил,
Неожиданно всё так оборвалось.*

Старый ХЭТИ

*Майский день – всё молодо, зелено,
По аллеям идем мы гурьбой.
Повелось так, так сердцем повелено –
Раз в пять лет нам встречаться с тобой.*

ХПИ, старый наш ХЭТИ,
Были с тобой мы пять лет и пять зим.
Каждому солнцу по-своему светит,
Но родились мы под солнцем твоим.*

*Инженеры-электромеханики,
Ток судьбы пробежался по нам,
Зато в жизнь мы шагнули без паники,
Ведь горшки обжигать не богам.*

*Двадцать пять – отрезок порядочный,
Чтоб понять и людей, и себя,
Разделить существо на порядочность
И вернуться к тебе, говоря:*

*ХПИ, старый наш ХЭТИ,
Были с тобой мы пять лет и пять зим.
Каждому солнцу по-своему светит,
Но родились мы под солнцем твоим.*

* Харьковский политехнический институт, бывший электротехнический

Чёрное и белое

*Горы и горы, снега и снега,
Путь к перевалу далёк.
Где-то в долине остались луга,
Последней ночёвки погас огонёк.*

*День встаёт, близок рассвет.
Лёд, скалы и снег...
Очень красив чёрный цвет,
Но лучше белого нет.*

*Звон ледорубов и грохот лавин
С детства знакомы нам.
Крепче, товарищ, вяжи свой булинь
И смерти тебя в объятья не дам.*

*Шаг в шаг, пот в глаза,
Скоро проснется рассвет,
Очень красив чёрный цвет,
Но лучше белого нет.*

*Тот, кто однажды ходил на Кавказ,
В сердце своем сохранит
Память о дружбе, спасавшей не раз,
Бездонное небо и лёд, и гранит.*

*Дай, дружище, руку твою,
Вместе в опасность идти,
Вместе сквозь белый и чёрный цвет
Драться, бороться, ползти.*

Ориентирование – это работа!

*Мелькнул флажок, пошли часы – и баста!
Теперь по азимуту нам мотаться.
Болота – в грудь, и скачем через рощи,
Но ты не дрейфь, ведь ты – ориентировщик.*

*Километры чащи и болота,
Просеки, квартальные столбы.
Ориентирование – работа,
А не то, что думаете вы.*

Одно КП, другое за плечами,
Рукой дрожащей кроки отмечаем,
Всё ближе цель, но тяжелеют ноги,
А впереди у нас ещё дороги.*

*Километры чащи и болота,
Просеки, квартальные столбы.
Ориентирование – работа,
А не то, что думаете вы.*

*Все говорят – туризм отличный отдых,
Всегда тепло, светло и свежий воздух,
Грибы, малина, речка для загара
И у костров по вечерам гитара.*

*Ну а у нас – всё мутные болота,
Просеки, квартальные столбы.
Ориентирование – работа,
А не то, что думаете вы.
Ведь ориентирование – работа,
А не туризм, как думаете вы.*

* Контрольный пункт

Горная проводница

*Горы быстро тают вдалеке,
Словно айсберги в Гольфстриме.
Пробегают мимо кукурузные поля,
Мимо, мимо, мимо.
Позади остался летний сбор,
Аромат долин и скалы,
Щёчки тобой выбранных опор
И в туманах перевалы.*

*А поезд – тук, тук-тук, тук-тук –
По перегонам мчится,
Где ты, инструктор-друг,
Горная проводница?*

*Нет не лёгок труд инструкторов,
Кто не знает – пусть судачит,
Но инструктор жизнь отдать готов
Ради вашей маленькой удачи.
Кажется, нет света впереди,
Всё вокруг тебе не мило,
Но услышишь голос ласковый – иди!
И приходят снова силы.*

*А поезд – тук, тук-тук, тук-тук –
Уносит от вас меня, горы.
До встречи, наш маленький друг,
Скоро мы встретимся снова.*

Выпьем за родное КБЮ!

В наш совсем не южный городок
Прибыл с направленьем паренёк**
В годы становления суровые
Открывать пути-дороги новые.*

*Закрутила карусель идей,
Захватила необычность буден.
Вдохновенье тех далёких дней
Памятью и сердцем не забудем.*

*Прикипело сердце к аппаратам,
Нужным в мирном деле и в бою,
Словно дом второй для нас, ребята,
Стало в нашей жизни КБЮ***.*

*Посмотри вокруг – виски седы,
Время оставляет в жизни след,
Но в труде всё так же молоды
Парни тех, пятидесятих лет.*

*Кто сказал, что наша жизнь легка?
Были неудачи и потери,
Каждый день – как бой наверняка,
Но в победу нашу все мы верим!*

*Прикипело сердце к аппаратам,
Нужным в мирном деле и в бою,
Наливай по плёночке, ребята,
Выпьем за родное КБЮ!*

* Днепропетровск

** Песня посвящена Борису Ивановичу Губанову, впоследствии Главному конструктору ракеты-носителя «Энергия»

*** Конструкторское бюро «Южное»

Из неопубликованного:
«Огонь в жаропрочных дюзах»

Телеметристы

*Пропадает факел в завитушках
Облачных седин,
Только ПРК свои не тушат
«Тралы» и «Рубин»*.*

*Отшумят раскаты над пустыней,
Проползет дымок.
А у станций их глаза застынут
На разверстке строк.*

*Труд нелегкий, труд неблагодарный,
Но в нем что-то есть.
Да и за листок утилитарный
Даже можно сесть.*

*Дни без сна и ночи без работы –
Сохнет человек.
О телеметрии нет заботы
В наш двадцатый век.*

*Жукины** мы дети – все нас знают,
Может, это рок?
И вдвойне при этом возливают
За любой проскок.*

*Путь туманный от испытаний до старта
В хаосе систем.
И судьба поставлена на карту
Кабелей и схем.*

*Пусть всегда нам небо чисто –
В дождь, туман, пургу...
Только я за жизнь телеметриста
Поручиться не могу.*

* Приборы системы телеметрии

** Николай Николаевич Жуков – первый начальник отдела телеметрии КБЮ

Испытатели

*Из рискованных тех, кем славился Клондайк,
Назывались первыми старатели,
А у нас – не рыпайся, вынь, положи, отдай –
Пальму риска держат испытатели.*

*А что же испытатели? Их тоже до фига –
От летчика до среднего буфетчика.
Не промолвишь слова и, как в копне игла,
Пропадет формация ракетчика.*

*Проще всех буфетчику – рискует не собой:
Временем, семьей, состоянием,
А если и сошлют-пошлют, то не на смертный бой,
А на вполне земные расстояния.*

Взлетают ракеты

*Грохочет огонь в жаропрочных дюзах,
Грохочет он в Штатах, грохочет в Союзе,
И ночью и днем, искушая Планиду.
Ведут ЛКИ* Байконур и Флорида.*

*Сухие ветра там пропитаны гарью,
Системы на старте проверили парни,
И шлют всё и шлют впопыхах полигоны
Пока в океан все свои мегатонны.*

*Взлетают ракеты у них и в Союзе,
Растут мегатонны смертельного груза.
Зачем же гоняться нам, Джон, друг за другом
По кругу, по кругу, по кругу?*

*Мы черными стали, как в Гоби феллахи,
Сгорают в ракетном аду черепахи,
Дрожит от ударов Земля, как в ознобе,
И каждый из нас друг на друга озлоблен.*

*Послушай-ка, Джон! Нам не надо Фемиды –
Судить Байконур, осуждать мыс Флориды,
Мы сами изменим планеты одежду –
Пусть ляжет меж нами мыс Доброй Надежды!*

*Взлетают ракеты у них и в Союзе,
Растут мегатонны смертельного груза.
Зачем же гоняться нам, Джон, друг за другом
По кругу, по кругу, по кругу?*

* Летно-конструкторские испытания

Полминуты до старта

*Мы собрались сегодня...
Внимание,
Полминуты осталось до старта.
Разрешите открыть собрание
По причине Восьмого марта.*

*Веселитесь! Отбросьте скуку!
Позабудьте на миг непруху!
Перед вами не стол с покойничком,
А с игривым конь-коньячком.*

*Коллектив пусть мужской, но дружный.
Мало женщин? А столько и нужно!
Потому что когда их много,
Никого не выгнать в дорогу.*

*Так вперед, пока кровь не остыла,
Королевы, снимите фартук!
Пьем за то, чтобы больше было
Дней таких, как Восьмое марта!*

Дружба

*Неумолимо время. Длинной чередой
Меняет зимы, вёсны, лик природы
И, как ракеты, ставшие судьбою,
Уносит в вечность прожитые годы.*

*Весна в душе, а осень за плечами.
Закончился еще один неумолимый цикл
У выхода стоит портфель с вещами,
И ты не весел, но еще не сник.*

*Еще задумки в голове роятся,
И в мышцах тела – налитая сталь,
И по ночам ракеты снятся, снятся,
Которые еще ты не создал.*

*Так верь в судьбу. Она не подводила,
Пока умел ты терпеливо ждать.
С тобой друзья, а дружба – это сила,
Которая умеет побеждать!*

Капризы погоды

*Над сушей – моросит, над морем – моросит.
А ведь вчера все было так прекрасно,
И солнце сентября сияло ясно,
И ничего, казалось, не грозит.*

*Да что гроза! И дождь не предвещала
Погода. Небо было чистым.
И грела ноги крохотная пристань,
Укутав их в морское одеяло.*

*Но зря теплу осеннему мы верим –
К полудню с гор, как стая воронья,
Оставив в скалах рваные края,
Лавина туч обрушилась на берег.*

*А где же солнце? Где наш теплый свет,
Ласкающий желающих погреться?..
Бежали все, едва успев одеться
И бросить морю: «Пламенный привет!»*

Последний наряд

*Размеренным шагом – раз, два! –
Четко строя ряды,
Идут, оперившиеся едва,
Мужчины без бороды.*

*Головы прямы на узких плечах
К бедру автомат прирос.
Они тут собрались не сгоряча –
Каждый для подвига рос.*

*Каждый с детства в войну играл,
Каждому снился бой,
Каждый вместе с Гастелло сгорал
И жертвовал собой.*

*У этих мальчишек войну не отнять –
В руки оружие дай!
И не горюй, поседевшая мать,
Украдкой не плачь, не страдай.*

*Если вернется с войны солдат,
Значит, ему повезло.
А если нет, то уйдет в наряд,
Где и в ночи светло...*

Незабудки

*...Сиреневый сумрак с востока крадется,
Не слышны шаги в шелестенье травы.
Всего полчаса до рывка остается,
Затихли окопы, траншеи и рвы.*

*Вот-вот и тюльпаном сигнальной ракеты
Комбат разорвет синевы полумрак,
И он вдруг плеснется грохочущим светом
Навстречу бегущему с нами «Ура!»*

*А как же ромашки, вьюнки, незабудки,
Как им объяснить, что сегодня война,
Которая длится всего только сутки,
Но смертью уже под завязку полна.*

*Нам надо в атаку идти этим утром,
Будить тишину и сражаться в строю,
Чтоб вечно цвели на лугах незабудки,
И нас не забыли, погибших в бою...*

Поэма огня

1.

*Товарищи!
Солдаты, офицеры, гражданские!
Равнение на флаг!
Я вижу от утраты лица серы,
Но смерть – в века непобедимый враг.
Она идет, не просит разрешенья,
И, как война – безжалостна, дика.
Сменяются века и поколения,
А жизнь солдат все так же нелегка...*

*Простите, лежащие рядом,
Оцинкованные –
За отвагу такая награда
И плач...
Я такого не слышал –
Плач в тысячи голосов!
Народ на проводы вышел
Братьев, мужей, отцов...*

*Головы, выше головы,
Смерти в глаза глядеть!
Спаяны кровью и оловом
Они не должны умереть!
Испепеленные и разнесенные,
Смешанные с песком,
Взойдут ростками зелеными
И зашумят леском,
Густыми дубравами,
Тенистыми рощами.
Только без гимнов!
Песню проще бы...*

*Герои...
Родина вас не забудет,
Но страна никогда не узнает*!
В газетах «Указов» не будет,
По радио не объявят.
Зато слухи потянутся гадко,
Загудит голосами «Европа».
Читайте!
Предельно кратко:
Авиационная катастрофа.*

*Но нет – они не летели.
Вместе они горели
В огненной страшной метели
С Вами, маршал Неделин!*

*А где-то в сельских избушках
И в городских домах
Ждут сыновей старушки,
Седые, словно зима.
Невесты – те сроки знают,
Ждут весточки от почтальона
И чувства свои проверяют
К единому из миллионов.
Жены – те просто привыкли
К разлукам, тоске ожиданья,
Сами ведь тоже мыкались
В поездках на край мирозданья.*

* Речь идет о Байконурской катастрофе 24 октября 1960 года, которая была строго засекречена

*Разве что дети их безмятежны –
Сашки да Ольки –
Грудные, пухлые, нежные.
Пока их слезы не горьки.*

*А жизнь полна разных разностей...
Почтальон! Стой!
«При исполнении служебных обязанностей
Погиб как герой...»
Ваш сын, муж, брат.*

*Неправда! – птицы кричат.
Неправда! – капли стучат
В окна.
Но слезы не капли,
Они не сохнут.*

*Харьков и Днепр,
Москва и Донбасс.
Сколько там было иссушено глаз
И венков.
От снежного Севера до черных песков,
Сколько бессонных ночей,
Сколько душевных речей
Здесь, там, всюду.
Сколько простого люду
Плакало...*

*А небо осеннее
Хмурилось, капало:
Тук... Тук...
На крышку обитого трауром гроба...*

Нас било от плача и от озноба.

*Простите, родные,
Простите!
Всех, кто был рядом
С ревущим адом.
Всех, кто бежал и горел,
Но уцелел.
Всех, кто из бункера в ужасе смотрел
И помочь не сумел...*

2.

*Мы с тобой вместе в школе учились,
Вместе играли, смеялись, и бились,
Вместе ходили на тренировки,
Мерзли на скалах в холодной ночевке,
Вместе науки с тобой постигали
И до утра говорили стихами...
Можно короче –
Ты мой современник,
Мой однокашник, мой соплеменник,
Мой соучастник житья и бытья –
И там, где ты был,
Мог быть и я*

*Был. Только был...
Тебя вдруг не стало.
Времени мало,
Чтоб позабыть,
Как огонь захлестнул полигон,
А сердце – стон...*

*Барабаны пусто:
Бух!.. Бух!..
От дум и печали мозг
Распух...
Тусклая осень окрасилась в медь.*

*Тебе песен больше не петь.
И не любить.
И не страдать.
Будешь вечно в земле лежать.
А твои жена,
 дочь,
 мать –
Вспоминать...*

*Время! Остановись же на миг!
Видишь, сынишка к мамке приник,
Слышишь, траурный хор притих,
Может, кто-то живой из них?
Остановись, не дыши,
Это не дождь, это слезы в тиши
Текут по лицам...
Это не снится!*

*Гроб. Цинк. Рядом портрет.
Парень!
Тебе так мало лет!
Встань!
Для тебя яблони цвет,
Майский рассвет,
Девичья грудь...
Встань, будь, будь!*

*Но нет...
Солнца холодный свет
Не согревает.
Деревья стоят караулом.
С них падают листья на лица.
Нет! Это не снится!*

*Временный обелиск
Торжественен, но безлик.*

*Объятия раскрыла
Братская могила.
Тяжелые комья
Глухо упали,
И застонали, заплакали люди.
Смерть сердца горем лудит...*

*Помни же
Этих ребят.
Которые спят в могиле,
Которые были...*

*Печаль людская сильна без слов,
Слеза не иссушит глаз.
Но и в удаче, и в трудный час
Всегда мы память храним о вас,
Память храним о вас!*

*А время идет быстро,
И жизнь меняет свои регистры,
И новые парни смыкают строй,
И кто-то из них герой...*

Любовный опыт

*Ветер в Турцию угнал тучи,
И пахнуло сразу теплым солнцем.
Две недели я себя мучил –
Ждал, когда откроешь глаз оконце.*

*А она, как третий тип погоды,
Все ко мне была неблагоприятна –
Ей чихать на мой лиризм и годы
И на то, что я чуть-чуть с уклоном.*

*Но смекнув, что мой уклон не левый
(По лицу-то это было ясно),
На сближение пошла смело,
Как в корриде, на лоскут красный.*

*Эта смелость выходила боком,
К ней совсем я был не подготовлен:
Чуть до рук – кончалось все упреком,
И в конце концов я был сломен.*

*Целый вечер огурцами хрумкал,
Нарезаясь сам с собой в стельку,
Надорвалась вдруг в душе струнка,
По-гитарному внадрыв тенькнув.*

*Опыт я провел почти удачно,
Только с отрицательным эффектом,
И теперь мы вместе с ней плачем,
Но на разных полюсах света...*

Курортный роман

*В санаторий я попал – высший уровень:
Витамины, душ Шарко и укольчики,
Но по женской части чуток не додумали –
Стал хиреть я там в одиночестве.*

*Стал присматривать себе молодуюшечку –
И нашел! Пускай не красавица
И в очках, зато незамужняя,
И к тому же в детсаду воспитательница.*

*Я ей тонко намекнул на прогулочку.
В лес, – сказала, – не пойду – опорочите,
Погуляем взад-вперед этой улочкой,
Ведь коль я вам и гожусь, то лишь в дочери.*

*Распустила моя ласточка крылышки,
Даже пенье в ее голосе слышится.
А вот женского – всего два пупырышка,
Да и то, когда поднапыжится.*

*Я про подвиги свои ей рассказывал
И руками я махал, словно мельница,
На меня уже и пальцем показывали,
И крутили у виска незаметненько.*

*Мы же словно дипломаты встречались,
То есть часто, зато без взаимности.
Я от этих встреч опечалился –
Спину мне натер крест невинности!*

*Тускло отпуск пролетел с той подругою,
Словно с водкой безалкогольною...
Ничего, скоро встречу с супругою –
И гори они огнем санатории!*

На изгибе лет

*И опять весна на изгибе лет
Прилетела в грохоте прибоя,
Чтоб на тропках душ проявился след,
Некогда оставленный любовью...*

Дорога

*Летят листки календаря,
Толпятся годы у порога,
Но, как вечерняя заря,
Ложится скатертью дорога.*

*И мы поэтому в пути –
На крыльях или на колесах,
Хоть на дороге не найти
Нам ни ответов, ни вопросов.*

*Чужому можно и спросить:
Ну что вы в жизни не допели,
Зачем вам в памяти хранить
Капьяра зной, Плесецк, метели?*

*А к Тюра-Таму долгий путь –
На самолете двое суток.
Но ты судьбу не обессудь,
Что поступила с нами круто.*

*И нынче, на исходе дней,
Устав в степях чужих скитаться,
Хочу я в памяти друзей
Остановиться и остаться.*

Силуэт

*Коридор полутемный – стены и двери,
Лампы пыльные льют грязный свет.
Сто раз коридор тот глазами измерю,
Только бы увидеть дорогой силуэт.*

*Показалась. Идет величаво и просто.
Ярче лампы! Как солнце её освети!
Я, почти двухметроворостый,
Хочу силуэту сказать: «Прости...
Прости за то, что на небе короста,
За то, что не вышел я ростом по ГОСТу,
За то, что весна у нас не людская,
За то, что кормежка в столовых плохая,
За то, что согреть не могу тебя лаской
И сделать жизнь замечательной сказкой...»*

*Я стою и прошу прощенья
За себя, за друзей, за людей нехороших,
За тех, кто ради мелкого мщенья
Большую душу язвит и тревожит.*

*Но вот поровнялась. И гордым взглядом
Полупрезрительно рост мой окинула,
И я с ней ростом уменьшился рядом,
И вся моя гордость мгновенно схлынула.
Она прошла, и гляжу растерянно,
Как растворилась в потоках света...
Но может еще не все потеряно?
И я иду за ее силуэтом.*

Миг

Ирине

*Соткана жизнь из коротких мгновений:
Миг – и во тьме наступает прозренье,
Миг – и нахлынет волна вдохновенья,
Миг – и любовь сменяет презренье.*

*Слово, как пуля, навывлет пронзает.
Словно снежинки, надежды растают.
Вмиг ночь окутает бархатом светлое.
Вспыхнет душа и остудится ветрами.*

*Но кажется нам, что живем мы степенно,
Чинно, порядочно, благословенно,
Благообразно, благопристойно...
Нет! Жизнь – мустанг, не знающий стойла!
Жизнь – это миг,
шаг короткий под выстрел.
И все мгновенья – осенние листья:
Редко счастливые нам выпадают,
А выпадая, тотчас опадают...*

*Но не грустите, а просто поверьте –
Нету мгновений лишь только у смерти,
Так что живые мгновенья ловите
И каждый миг этой жизни любите!*

Самолечение

*Без передачи, только по секрету
Могу сказать друзьям и самым близким,
Что песенка моя еще не спета
И не написан гимн для обелиска.*

*Для смерти я, кажись, не вышел рожей –
Мы с нею разминулись в лазаретах,
Но с той поры я очень осторожен
И сам лечусь вином и сигаретой...*

В последний путь

*Не надо медных труб и барабана,
Не надо слез – я ж тут, хотя и убыл,
К тому же смерть – зияющая рана
Лишь для друзей, что тесно сбились в угол.*

*Для остальных она всего участие
В застолье сытном – иначе в поминках.
Иные выпить тут почтут за счастье,
Как будто я справляю именины.*

*Кутья дымится, застучали ложки,
И речи полились под борщ и водку.
Но я прошу не путать правду с ложью –
Я не герой, я где-то посередке.*

*Поймите, расстаемся ненадолго,
Зачем слезу выдавливать так рьяно?
И дайте мне последнюю дорогу
Пройти без медных труб и барабана.*

Как стать счастливым

*Тишь да кваканье лягушки,
Лес и речка – благодать!
Горе тем, кто без подушки
Ночь не может переспать.*

*Есть у нас еще такие –
Им перину подавай,
А чтоб снились сны лихие,
«Сто» с прицепом наливай.*

*Просто отдых – это скучно,
Нет «кина» и кресла нет,
Не устраивает тучных
Туристический обед.*

*Им в походе не до шуток,
А вот мы – наоборот:
Можем на пустой желудок
Петь всю ночь напролет.*

*Грянем песню под гитару
У веселого костра,
И отступят хворь и старость,
Снова станет жизнь остра!*

*В небе дружно вспыхнут звезды
И устроят хоровод...
Стать счастливым очень просто –
Просто соберись в поход!*

Песня леса

*Первый снег рассыпает поздняя осень,
Лес застыл в одиночестве сильный и гордый,
Закрутили пластинку иголки сосен,
Повторяя старой гитары аккорды.*

*И опять у костра мы собирались крúгом,
Чтоб услышать друзей, о себе поведать,
И пусть каждому в жизни бывало туго,
Вместе верили мы в свою победу.*

*Много трудных дорог у всех за плечами –
Перевалы, тайга и рек перекааты,
Но поет с нами лес, и уходят печали,
И восходы встают, оттесняя закаты...*

*...А вернувшись туда, где нет сосен и елей,
Где пылятся в углах боевые гитары,
Песню леса мы вспомним и вой метели
И поднимем бокалы за дальние страны...*

Маленькая женщина

*Маленькая женщина, спокойно!
Гнев тебе, пожалуй, не к лицу.
Согласись, я вел себя достойно,
Словно знаменосец на плацу.*

*Так не смейся, будь серьезней малость
И глаза лукаво не коси –
Коль любовью притворилась жалость,
У судьбы разлуки попроси.*

*Не бывает счастья слишком много,
Но бывает сладкою слеза...
Ты во мне увидела другого?
Так открой закрытые глаза!*

*...День прошел, уходит поезд в вечер,
Ты стоишь, умело пряча грусть.
Маленькая женщина, до встречи,
Потому что я опять вернусь.*

Дочка

*Чуть рассвет приходит серый,
Пропадают сны бесследно.
Я лежу, а мысли где-то,
Я не знаю, что со мной.*

*Былью поросло бывшее,
И печаль заледенела,
Но лежит на сердце камень –
Что-то сделали не так...*

*Разве дочка виновата,
Что с тобою мы чужие?
Разве дочка виновата,
Что дороги разошлись?*

*Мне б хотелось мир увидеть
Восьмилетними глазами,
Убедиться, что не рухнул
Мир, без нас с тобой вдвоем.*

*Солнце в небе не погасло,
И цветут цветы на клумбах,
И стекают реки в море,
И шумят еще леса.*

*Только мы уже не вместе,
Только мы уже чужие,
И разорванное фото
Вряд ли склеить я смогу.*

*Мы на нем стоим у моря –
Ты и я, а посредине
Дочка держит нас за руки
И смеется в объектив...*

Колыбельная для Алены

*Нам уже четыре месяца,
Значит, скоро будет год!
У Аленки глазки светятся,
Когда мама подойдет.*

*Не закроют тучи солнышко,
Жизнь окрасится в лазурь.
А зима повеет холодом,
Защитим тебя от бурь.*

*И сама будь смелой, деточка,
Чтоб открылись все пути,
Только надобно для этого
Настоящею расти!*

Судьба телеметриста

*Нелегко быть телеметристом,
Ведь почти перерывов без
Схемы путанные и ветвистые
Мы рисуем, как Шишкин – лес.*

*Мы свободу свою теряем,
Эти схемы для нас тюрьма.
В перерывах козла гоняем,
Чтоб совсем не сойти с ума.*

*А ведь где-то в космических сферах
Вольный спутник вершит виток...
Мы же как гребцы на галерах,
И над нами сплошной потолок.*

Письмо дочке

*Занесен пушистыми снегами,
Закален дыханием ветров,
Я иду седыми берегами
И борюсь с объятьями ветров.*

*Но в пустыне выжженной не лучше,
Подогретой стартовым огнем –
По пескам пустынным и зыбучим
Я иду, и день идет за днем.*

*Я иду к тебе, моя малышка,
Ты не плачь, на это нет причин –
Скоро пуск и, значит, передышка,
Хоть покой не отдых для мужчин.*

*Подожди, уже осталась малость,
Я уже наладил паруса,
И прости трехмесячную шалость
Своего беспутного отца...*

Бремя

*Стыдно. До чертиков стыдно
В глаз океана смотреть.
Стыдно и очень обидно
Иметь тебя и не иметь.*

*Небо лазурится высью бездонной,
Пески барханов вокруг.
Жизнь идет чередой монотонной
Но без тебя, мой друг.*

*Солнце в замерзших окнах
Рисует узор на столе –
Вижу застывший локон,
Так полюбившийся мне.*

*Чувства уходят, виной тому время –
Скоро разлуке год...
Радость любви – легкое бремя,
Но трудно нести его.*

Воспоминания

1.

*Извини за минуты пустые,
Извини, если вдруг растревожил,
Просто грустно мне стало в пустыне –
Ты приснилась, и будто бы ожил.*

*Не прощаюсь. Надеюсь на встречу.
Если хочешь, ответь – адрес помнишь,
Только связно и внятную речью,
Чтобы я наконец что-то понял.*

2.

*В полутемном подъезде ты ругала ребят,
Отступали незваные гости,
А я рядом, перчатки в руках теребя,
Чертыхался как пьяный извозчик.*

*Не вернуть. Не забыть. Замечает.
Серебрятся поземки хвосты.
Время медленно вдаль улетает
И горят за спиной мосты...*

Ожидание любви

*Не приходи, когда не ждут,
Не приходи, когда не нужен,
Не лезь в устроенный уют,
Не бреди чужие души.*

*Живи, и жизнь сама найдет
Душе последнее жилище,
И тот не прав, кто долго ждет,
Пока не станет третьим лишним.*

*Не плачь, когда ты не любим,
Не вызывай слезами жалость,
Ведь много весен, лет и зим
Для будущей любви осталось.*

*Еще чуть-чуть, и твой закат
Зажжёт свечу на небосклоне,
Ресницы чьи-то задрожат,
И кто-то голову приклонит.*

*Не обольщайся простотой,
Душа – потемки, но известно:
Подряд две пьянки – не запой,
И б...ь в постели – не невеста.*

*Пусть за душою ни гроша,
Но ты живи, пока живется,
Ведь жизнь, братишка, хороша,
Когда с любовью сердце бьется!*

Ночной разговор

*Милая, здравствуй!
Прости, я не трезвый...
Ты ведь знаешь меня –
Я резвый,
Когда заглотну «огня».*

*Привязанность упрямая штука,
Как без тормозов КАМАЗ.
Не раз я, укутанный в пьяную скуку,
Мчался к тебе в поздний час.*

*Бутылка «сухого» и сигарета,
Магнитофон и танцы,
Но ты меня не корила за это,
Хоть был я черным... сланцем!*

*Себя я ругаю, тебя жалею,
Ведь ты хотела иного,
А я шумел, гарцевал жокеем,
Но о любви – ни слова.*

*Прости меня за несвязную речь –
Мысли опять запутались,
Но наш разговор, как гора с плеч,
В черный свитер закутанных.*

*Мне надо сейчас себя в руки взять –
Отбившись от пьяного бреда,
Я поверну наше прошлое вспять
И вновь поведу беседу*

*Про свет теплых звезд над зимней Москвой,
Про снег на щеках горячих,
Про то, как стояли в обнимку с тобой,
Себя от себя не пряча...*

*А может, трубку швырнуть на рычаг,
И ночью примчаться снова?
Но ты будешь плакать, а я рычать –
И о любви ни слова...*

Время

*Год подожди, а потом еще пару...
Медлительно время, но действует нагло:
Юность торопится в долгую старость,
Прошное прячется,
грядущее наго.*

17.03.64

Моя песня

*И в дремучем лесу,
И в просторах степи
Свою песню несу
И пою о любви...*

*Песня – сердце мое,
Песня – тайна моя,
Песня – вольный полет,
Песня – верный маяк.*

Байконурская зима

*Спит пустыня под снежным слоем,
Натянув одеяло тоски,
И довольный ее покоем
Месяц ласково гладит пески.*

06.03.67

Фонари

*Улица дремлет, укрывшись туманом,
И фонарей длинноногих ряд
Вдаль уплывает немым караваном,
Тусклой тоскою глаза их горят.*

*Улица, вспомни, как ты их встречала
Осенью грустной, шальной весной.
Вспомни, как с ними росла и мужала,
Как их любила ночью порой.*

*Кто тебя делал красавицей вечером?
Кто сторожил от зари до зари?
Кто расцветал перед новыми встречами?
Только друзья твои – фонари.*

*Как часовые, колонной парадною
Улицу вновь охраняют они.
Мечется ночь за темной оградой,
Но до утра не погаснут огни!*

Тишина

*Я не видел войны,
Я не слышал войны,
Незнакомо мне чувство
Той тишины,
Что гремела, давила
И била людей
Канонады любой
И бомбежки сильней.*

*Но молчанье твое
Душу так же гнетет,
А твоя тишина
До костей достает...*

*Как бы ни был надежен
Мой последний окоп,
Он похож в тишине
На кладбищенский гроб.*

Дата

*Я сегодня ступил в тридцати-
пятилетие*

*Ничего не свершившим, простым и обычным.
Соберутся друзья. Посидим и отметим
эту дату. Такой, говорят, есть обычай.*

*Громких тостов сегодня, похоже, не будет,
Водки тоже – вчера кое-как завязали.
И потом, нынче нам ни к чему словоблудить:
Есть число – остальное всего лишь детали.*

*Разговоры пойдут: год прошел – где итоги?
Может, что потерял, может, в чем преуспел?
Разве скажешь друзьям, даже очень немногим,
Что за год я на десять годков постарел?*

*Сам себя потерял, а искал слишком плохо,
Только в это друзья не поверят всерьез.
В их глазах я не стал еще чертополохом,
До обочины жизни, видать, не дорос.*

Вопрос без ответа

*Дня пожар догорал. Бился в окна закат,
Стены в гардину выкрашивая.
И шипел на столе, взятый мной напрокат
Старый «маг», свою жизнь донашивая.*

*Лента рвалась, сбежать порываясь,
Но всё снова и снова, тоскуя,
На бобину шурша навиваясь,
Мне шептала: «Тебя люблю я»...*

*А я страдал от песен тех,
Но я не плакал, нет!
Я слышал твой холодный смех,
В котором был ответ.*

*Я видел злость зелёных глаз,
Тоскующих и ждущих.
В них отражалась без прикрас
Ты гордой, но зовущей.*

*Шуршит бобина, льется ложь...
Куда, скажи, мне деться –
Всадить в себя кухонный нож,
Иль возвратиться в детство?*

Печаль

Т.Х.

*Все гуще тени за моим окном,
Грустнеют лапы милых сердцу сосен.
Что мы от встреч в лесу приобретем?
Давай у времени сегодня спросим.*

*Одна загвоздка – время многоликое,
Мне у кого, скажи, о том спросить:
Что даришь ты – блаженство или лихо,
И можешь ли меня благословить?*

*Невыполнимого судьбе не обещай,
Она вдвойне с тебя за это спросит.
С печалью покидаю этот край
Без наивных и суровых сосен...*

Часть 3.

Ракеты Виталия Чеховского

С момента своего прихода в КБЮ в 1958 году Виталий Чеховский принимал самое непосредственное участие в разработке и экспериментальной отработке ракет. Начиная телеметристом в отделе Николая Жукова с отработки первенца КБЮ Р-12. Участвовал в испытаниях Р-14 – ракеты с максимальной для одноступенчатых ракет дальностью. Виталий был в числе участников первого пуска нашей первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-16. Во время подготовки к пуску произошла одна из самых масштабных аварий в истории ракетной техники. Виталий за несколько минут до трагедии ушёл по служебной необходимости с пусковой площадки в МИК (монтажно-испытательный комплекс). Но с первых минут после трагедии участвовал в спасении товарищей непосредственно на самой площадке.

Затем было участие в сложной отработке уже в качестве ведущего конструктора ракет Р-36 и Р-36орб, Р-36М.

Работая в группе ведущих, он стоял у истоков разработки подвижного железнодорожного комплекса: сначала ракеты 15Ж44, затем – 15Ж52.

А венцом его творчества стал уникальный и единственный в мире комплекс БЖРК - с ракетами 15Ж61.

** * **

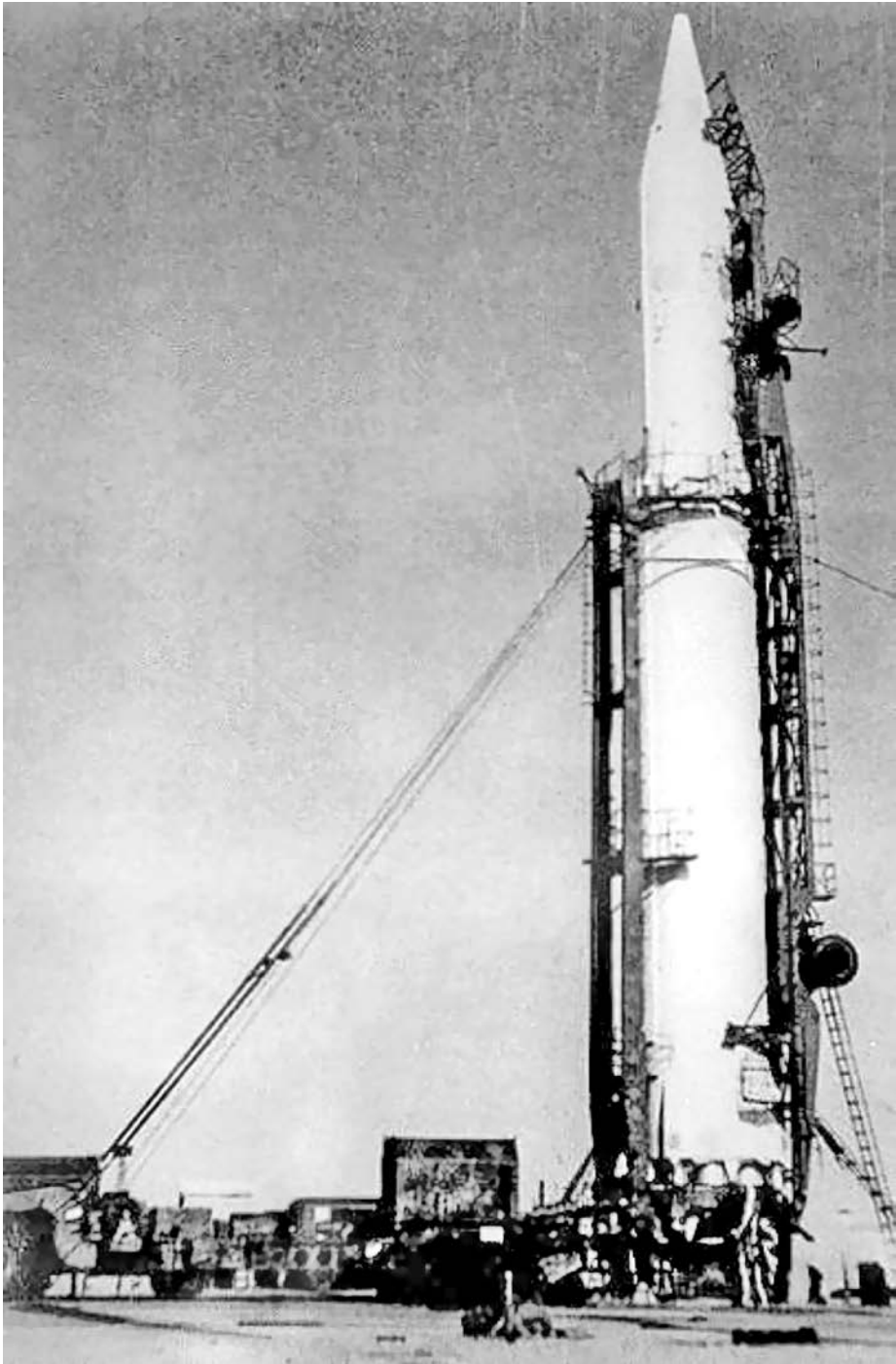
Фотографии, которые вошли в эту часть сборника, хранят память о ракетах, которые не только создавал, но и воспевал ведущий конструктор КБЮ Виталий Чеховский...

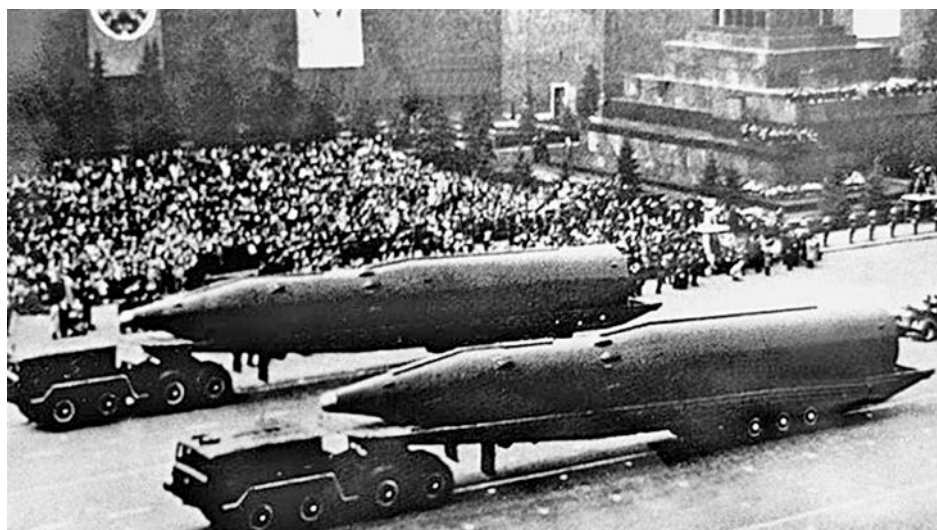
Первенец КБЮ – Р-12 (8К63) на пусковом столе в Кап'яре

Р-14 (8К65) – самая дальняя одноступенчатая – готова к старту

R-16 (8K64) – на пусковой установке

*Ракеты на параде на Красной площади:
вверху - Р-16 (8К64);
внизу - Р-36 (8К67)*

Выход из шахты ракеты Р-36П (8К67П) с разделяющейся головной частью

*Самый надёжный носитель «Циклон-2»:
из 106 пусков – 106 успешных!*

Из-под земли в небо – Р-36М (15А14)

*Грозная «Сатана»
на боевой позиции*

*Старт мирного
«Днепра»*

Солнце в «Зените»

Старт ракеты непревзойденного БЖРК

Океанский старт «Зенита»

Часть 4.

Из семейного фотоальбома

*Борис Александров, Виктор Баранов и Виталий Чеховский
в полигонной гостинице на Байконуре*

Первомай!

*Руководство КБ «Южное», апрель 1974 г.
Слева направо: 1-й ряд: А.М. Куншенко, В.Н. Паппо-Корыстин,
М.И. Галась, В.Ф. Уткин, Г.М. Пиленков, Б.И. Губанов, В.В. Грачёв,
Ю.А. Сметанин, И.И. Иванов, Л.А. Караханян;
2-й ряд: В.П. Чеховский, Б.Е. Хмыров, Н.Д. Журин, И.М. Игдалов,
А.А. Макаров, Н.А. Жариков, Н.Т. Ладыгин, В.И. Кочерга;
3-й ряд: А.И. Чигарев, С.Н. Конюхов, В.Я. Соловьев,
В.А. Автономов, В.В. Кошик, В.А. Подгайный*

*Ведущие конструкторы КБ «Южное» с В.В. Грачёвым:
Слева направо: В.А. Тимофеев, В.И. Иванов, А.Г. Резник, В.И. Коцарь,
А.И. Гаврилюк, Ю.В. Перовский, В.В. Грачёв, В.Г. Команов, А.Л. Пигуль,
В.П. Чеховский, В.В. Кошик, А.А. Польшаев, Л.Д. Кучма, В.П. Пальцун*

Виталий Прокофьевич получает очередную награду

На любимой даче с друзьями и близкими

*Людмила Ивановна
в цвету*

*Осень в Болдино
(так Виталий
Прокофьевич называл
свою дачу на Орели)*

Звучит полигонный романс

Дуэт Ханина и Чеховского

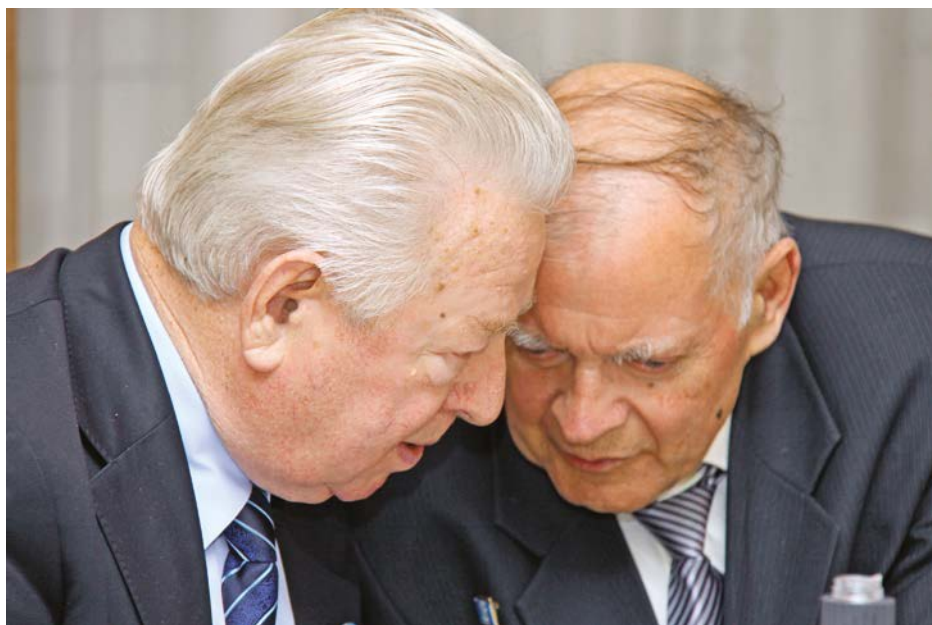

Руководство и ветераны КБЮ у памятника Янгелю, 24 октября 2008 г.

Дружеская встреча с Президентом Украины

*«75, друзья,
это вам не 18!»*

Мудрый совет Генерального конструктора

*Тяжела ты,
ноша юбиляра...*

Юбилей В.П. Чеховского. «За здоровье юбиляра»

Бокал за папу...

Плечо отца – надёжная опора!

Часть 5.

Слова любви

*«Сомкните стройные ряды,
Покрепче закупорьте уши.
Ушел один, в том нет беды,
Но я приду по ваши души!»*

Владимир Высоцкий

12 июня 2012 года в мире стало на одного поэта меньше... Ушел наш друг. Но остались его стихи и ракеты, которые продолжают стартовать с воспетых им полигонов.

Виталий жил ярко и, несмотря на тяжелую болезнь, умер не от тоски, поскольку ни разу не посетовал, что мир не сладок. И мы верим, что судьба снова забросила его на новый полигон – туда, где звезды ярче и добрее. А здесь, на земле, продолжают звучать слова любви, которые наполняют нас, когда мы читаем стихи Виталия Чеховского...

Светлый человек

...Ему выпало трудное испытание: привыкший к постоянному движению и бескрайним просторам полигонов, он вдруг попал под домашний арест – отказали ноги. Конечно, Чеховский переживал, но продолжал жить. Он интересовался делами родного КБЮ и не терял связи с друзьями: звонил, справлялся о житействе, поздравлял с праздниками и, если просили, давал толковые советы...

Наш друг ушёл, но мы и сейчас можем ему помочь.

И прежде всего тем, что не будем забывать его стихи, поскольку память воскрешает ушедших, а наши добрые воспоминания, как горячая молитва, достигают небес, где обитают души.

Спасибо за науку!

Чеховского я знал с первых дней работы в КБЮ, но по-настоящему жизнь сблизила нас благодаря газете «Конструктор». Тридцать лет назад меня назначили главным редактором, и я искал человека, досконально разбирающегося в технических вопросах и обладающего литературным талантом. Виталий на все сто отвечал этим, по сути, противоположным требованиям. Более того, несмотря на исключительную занятость, он вскоре стал своим человеком в редакции.

Много лет каждый номер газеты мы отдавали на его суд. И уже на следующее утро раздавался телефонный звонок: «Доброе утро! Это Чеховский». Далее следовал взвешенный и аргументированный разбор материалов: «Вот это мощная статья!.. А тут, ребята, вы поторопились. Надо бы чётче расставить акценты...». И мы расставляли, тем самым учась литературному мастерству. Спасибо тебе, Виталий, за науку!

* * *

...Однажды в начале 1980-х мне довелось выступать перед ведущими конструкторами с лекцией о Высоцком. По завершении ко мне подошёл Чеховский и, немного смущаясь, показал свои стихи, посвящённые поэту, ушедшему из жизни 25 июля. Среди щемящих строк там была такая: «...июль во дворе, а по коже – мороз». Я сохранил эти стихи, но только сейчас понял, что Чеховский писал и о себе. Уж очень многое совпадает.

Кроме одного: не июль во дворе, а июнь...

Надо быть!

...Хорошо помню наши командировки в конце 1990-х на Северный полигон, где мы готовили пуски ракетного комплекса, чтобы обеспечить продление его эксплуатации на пять лет сверх срока гарантии.

Там же, на Северном, мы отметили 61-й день рождения Чеховского. Были подарки, и среди них, наверное, самый необычный в его жизни. Дело в том, что Виталий Прокофьевич каждую свободную минуту работал над одной из своих последних песен – «Беспокойная ночь». Так вот, мы подарили ему «Беспокойную ночь – 61». Конечно, наш коллективный труд не дотягивал до оригинала, но Чеховский был тронут до слёз...

Его стихи и песни живут в наших душах и будут жить столько, сколько отведено каждому из почитателей его таланта.

Чеховский часто повторял, что надо быть, а не казаться. Это высокая планка, но он её достиг.

Божий дар

С нескрываемой гордостью могу признаться, что Чеховский всегда был для меня не просто старшим товарищем, но величайшим и непререкаемым авторитетом. С ним – человеком огромной технической эрудиции и многогранной творческой личностью – было интересно работать и общаться.

Виталий Прокофьевич обладал даром приходить на помощь ещё до того, как ты понимал, что помощь нужна. Благодаря этому небольшой коллектив нашего фотокиношного отдела создал ряд документальных фильмов по его поэтическим и технически точным сценариям.

...Последние годы болезнь сковала его движения, но светлая голова работала безупречно. Он никогда ни на что не жаловался. И всегда находился в творческом поиске, делясь с нами своими находками.

Ему трудно было писать, руки почти не слушались, и хотя рядом была его верная и надёжная супруга Людмила Ивановна, готовая взять на себя работу секретаря, он с упорством способного ребёнка говорил: «Я сам!».

Незадолго до смерти Чеховский участвовал в подготовке к выпуску юбилейного сборника стихов Александра Янгеля. Так получилось, что я зашёл к Виталию Прокофьевичу, когда ему передали книжку, ещё пахнущую типографской краской. Полистав её, он задумчиво сказал: «Замечательные стихи... А ты знаешь, Василий, я, наверное, не смог бы написать ни строчки, если бы мне не помогали другие поэты».

Я с ним согласился, но подумал, что многие любят поэзию и всё же поэтами не становятся. Ведь для этого нужен Божий дар...

У нас была одна Луна

*Ушел поэт, но жизнь продолжается.
И не только в его песнях, которые звучат на ракетных полигонах. Она продолжается в его детях и внуках – таких же талантливых, как их отец и дед.*

Доказательства? Пожалуйста! Когда готовилась эта книжка, из Харькова пришло письмо старшей дочери Чеховского – Элины Витальевны. Вот что она написала...

Как-то мы с папой обменялись своими последними стихотворениями и вдруг заметили, что они необычайно созвучны. Что ж, такое бывает. Но каково же было наше удивление, когда выяснилось, что мы писали их ночью в одно и то же время, глядя на Луну – только я сидела у харьковского окна, а отец – у днепропетровского. С тех пор лунный свет стал для меня связующей нитью, протянутой между нами. Хотя, если честно, то каждое мое стихотворение связывает меня с папой. Я знаю, что ему нравится то, что я делаю. И благодарна, что он успел мне сказать об этом...

*Все так тонко и возвышенно..
Бархат ночи, шелком вышитый,
И Луна неслышной поступью
Семенит по звездным россыпям.*

*Звезды падают осколками,
Рассыпаясь кривотолками,
Обжигая землю брэнную,
Приглашают нас на пир...*

*Все так щедро и изысканно,
Но рассвета поле выткано
Васильками бледно-звездными...
Что же встретились так поздно мы?*

*Звезды падают осколками.
Наши встречи... Было сколько их...
Но порой одна жемчужина
Дарит мир, Волшебный мир.*

А вот мой романс. Музыка пришла сама собой:

*Разлуки нет. Есть просто расстояние
От встречи и до нового свидания.
И мудрость наша в том, чтобы уметь
Без грусти этот путь преодолеть.*

*Что было - то было,
Пусть самая малость.
Но я не забыла:
Всё есть! Всё осталось!*

*Я внемлю, очарованная, свету:
В дрожащей дымке тонет небосвод.
И я плыву, как лодочка, по лету,
Где чудо дарит каждый поворот,*

*Где солнцем наполняется дыхание,
А мотыльками чуткая душа,
И радуется заката полыхание,
Скользящее по краю, не спеша.*

*Так в неге, убаюканная ночью,
Чей бархат тонкий плечи обволок,
Я райский сад увидела воочию,
Где счастьем дышит каждый уголок.*

Так что, жизнь продолжается...

Вот такие мы весёлые ребята!

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Юрий Мошненко, Игорь Ханин. От составителей</i>	4
<i>Леонид Кучма. Прекрасный повод вспомнить молодость</i>	5
<i>Александр Дегтярев. Неугомонное племя</i>	6
Часть 1. О поэте и ракетчике	7
<i>Юрий Лигун. Беседа с Виталием Чеховским</i>	8
<i>Владимир Горбулин. Поэт и бард ракетно-космической техники</i>	15
<i>Игорь Ханин. Одна жизнь и два бытия</i>	22
<i>Александр Кабаков. Телевидение и мы</i>	26
<i>Владимир Резниченко. Мой друг и учитель</i>	28
<i>Александр Кочетков. Ведущий продюсер</i>	30
<i>Валерий Кудин. Испытатели</i>	32
Часть 2. Стихи и песни Виталия Чеховского	35
Из сборника 1995 года: «Снова под крылом аэропорт»	36
Песня командированных	37
Пора испытаний	39
Песчаный город	40
Полигонные деньки	41
Северные, южные широты	43
Холодный ветер	44
Ах, октябрь, октябрь	45
Северное танго	46
Валентина	47
Слякоть	48
Раздумье	49
В ожидании Веры	50
Случайная встреча	51
Невидимка	52

Военный городок	53
Осень	54
Неземные странности	55
Танго	56
Подражание Окуджаве	57
О радостях	58
Романс	59
Высоцкому	60
Неприветливый край	61
Грустная песня	62
Моя песня	63
Старый ХЭТИ	64
Чёрное и белое	65
Ориентирование – это работа!	66
Горная проводница	67
Выпьем за родное КБЮ!	68
<i>Из неопубликованного: «Огонь в жаропрочных дюзах»</i>	69
Телеметристы	70
Испытатели	71
Взлетают ракеты	72
Полминуты до старта	73
Дружба	74
Капризы погоды	75
Последний наряд	76
Незабудки	77
Поэма огня	78
Туманность	84
Любовный опыт	85
Курортный роман	86
На изгибе лет	87
Дорога	87
Силуэт	88
Миг	89
Самолечение	90

В последний путь	90
Как стать счастливым	91
Песня леса	92
Маленькая женщина	93
Дочка	94
Колыбельная для Алёны	95
Судьба телеметриста	96
Письмо дочке	97
Бремя	98
Воспоминания	99
Ожидание любви	100
Ночной разговор	101
Время	102
Моя песня	103
Байконурская зима	103
Фонари	104
Тишина	105
Дата	106
Вопрос без ответа	107
Печаль	108
Часть 3. Ракеты Виталия Чеховского	109
Часть 4. Из семейного фотоальбома	121
Часть 5. Слова любви	131
<i>Юрий Лигун. Светлый человек</i>	<i>134</i>
<i>Анатолий Карманов. Спасибо за науку!</i>	<i>135</i>
<i>Николай Колесников. Надо быть!</i>	<i>136</i>
<i>Василий Терещенко. Божий дар</i>	<i>137</i>
<i>Элина Чеховская. У нас была одна Луна</i>	<i>138</i>

Літературно-художнє видання

**Віталій Чеховський –
конструктор пісень та ракет**

Збірник спогадів і віршів

За загальною редакцією Ю.І. Мошненка

(Російською мовою)

Видавництво – ТОВ «Спейс-Інформ»
Свідоцтво про внесення суб`єкта видавничої справи до
державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції Серія ДК №4790 від 18.11.2014 р.
04050, м. Київ, вул. Мельникова, 12
www.space.com.ua

Друкарня – ТОВ «Скімп»
Свідоцтво про внесення до державного реєстру
Серія А01 №376992 від 14.10.2010 р.
03037, м. Київ, вул. М. Кривоноса, 2А, корп. 2, оф. 801
Тел./факс: (044) 249-34-58

Підписано до друку 28.05.2015.
Формат 50x70/16. Папір крейдяний.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 9.
Наклад 750 прим. Замовлення № 1679

ISBN 978-966-97460-3-0

© ГП «КБ «Южное» им. М.К. Янгеля», 2015
www.yuzhnoye.com